

24/200/6
КСО

НИКОЛАЙ
КОЛМОГОРОВ

Избранные
стихи

024945

84(2Вос=Р4с)6-5

к 60

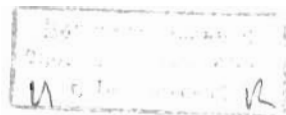
НИКОЛАЙ КОЛМОГОРОВ

Избранные
стихи

СКМБК

Кемерово
Издательство "Сибирский родник"
1997

36026-2

ББК 84.3Р7
К60

Книги Н. Колмогорова:

"На земле светло", 1977 г., Кемерово.

"Дом", 1983 г., Кемерово.

"Травяное окно", 1983 г., Москва.

"Пора кучевых облаков", 1989 г., Кемерово.

"Хлеб исканий", 1993 г., Кемерово.

К $\frac{4702010202-1}{APN030182}$ 97

ISBN 5-8434-0012-3

© Колмогоров Н. И., 1997

ОТ АВТОРА

Составляя эту книгу, я не стал выстраивать стихи по каким-то темам и композициям, руководствуясь одной лишь мыслью, что пусть они располагаются в том хронологическом порядке, в котором возникли. Но для того, чтобы читатель имел более полное представление об их авторе, я посчитал нужным сказать несколько предварительных слов о сокровенной поре жизни, из которой, собственно, и произшел как поэт.

...Маленький, трехлетний, в пальтеце из серого сукна старой солдатской шинели, стою возле дверей нашего засыпного домика-полуземлянки, наполовину вкопанной в покатый склон промерзлого оврага, как и множество других таких же, слепленных, сколоченных, в основном, из досок, тонких бревешек и вообще из чего пришлось. Эти лачуги и сам длинный овраг, по дну которого пробираются мутные незамерзающие стоки казенной приземистой бани, и куда валят всякий мусор и хлам, все это вместе взятое называется Щетинкин лог, Нахаловка - беспокойное ершистое поселение военных и послевоенных годин. По другую сторону оврага - долговязые скелеты высоковольтных опор, расходящиеся вместе с проводами во все стороны света: на продымленные скрежещущие заводы, в далекие поля и куда-то аж за реку... Надо всем этим - черные драконы дымов из труб Кемеровской ГРЭС, возле которых и возник стихийный, самовольный поселок, каких было тогда немало по стране

около строящихся шахт, заводов и электростанций. О черных адских дымах, клубящихся через весь небосклон моего детства, мне когда-то написалося:

С приходом в мир задумывались вы
Что
Первое на свете разглядели?
Виденья ада или синевы
Вас мучили иль просветлить хотели?..

Эти юношеские, пусть и несовершенные строчки, верны правде хотя бы потому, что в них присутствует попытка размышления об истоках бытия: почему - так, почему - здесь?..

Так дед мой Митрофан Филиппович и бабушка Анна Евденовна Веретенниковы были уроженцами старинных сел Чарышское и Бащелак, что на Алтае, потомками крестьян-переселенцев из срединной России. Они и сами, обзаведясь детьми, переселились в Кемеровскую область, сюда, в угольный край, где дед работал сначала на шахте, а после - молотобойцем и кузнецом на ГРЭС. В молодости он даже партизанил в одной из степных крестьянских армий, был ранен, простудился, с великими трудами вернулся домой на исходе гражданской войны.

Родного отца я не знаю, но мать рассказывала, что вся его родня в тридцатых годах раскулачена и выслана из-под Тамбова в Сибирь, где была рассеяна по разным местам. Беспризорный по существу паренек попал здесь в "нужные" руки и заделался лихим налетчиком: успел с поделниками подломить какой-то продмаг, но попался на пустяке: сре-

зал сумку у трамвайного кондуктора, а убежать не успел... Грянул суд, позднее раскаяние. Мать разошлась с ним, когда мне был отроду год с небольшим...

В пятидесятые годы, да и в начале шестидесятых Кемерово скорее напоминал большую деревню нежели город. Помню, когда мы жили уже на одной из его окраин, в своем каменном доме, то сразу за нашей тихой и травяной улицей колосились пшеничные и овсяные поля, цвела картошка. Почти в каждом дворе держали коров, другую домашнюю живность. Зимами, перед праздниками, наезжали к нам на постой знакомые колхозники одной из пригородных деревень, которые ехали на городском рынок. Во дворе становилось тесно от подвод, розвальней и распряженных лошадей. Пахло сеном, конским навозом, влажною от пота упряжью. Дома делалось многолюдно, весело и шумно, но никого это не тяготило и не стесняло...

Там, где нынче на заискитимском взгорье высится Знаменский епархиальный собор, до войны бугрилось одно из городских кладбищ, но после, забытое и затоптанное уже, превратилось в пестрый базар, в барахолку. На этом месте всегда двигалась, гомонила и жарко дышала людская толчея. И разве подумалось бы мне, когда бегал со сверстниками поглядеть на разные базарные диковинки, что именно тут, где сходились и переплетались столькие человеческие судьбы, и где не один ловкий карманник разжился чужой трудовой копеечкой, когда-то засияет в вышине золото куполов?..

Мне было лет десять, когда однажды бес-

просветным осенним днем, заваленным низкими тяжелыми тучами и промозглой дождевой сыростью, возвратился я из школы в нетопленный наш дом, где из домашних никого не было, и почему-то включил радио. Включил радио, а оттуда хлынула какая-то светлая незнакомая музыка и стихи: "Листья падают, листья падают. Стонет ветер протяжен и глух..."

-Дальше - еще и еще:

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.
Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще голос поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг...

Не помню, не чувствовал сколько времени прошло, а я стоял, прислонясь к косяку, глядя вроде бы в окно, но и куда-то неизмеримо дальше. На лице солонели слезы, но то были слезы первого озарения...

Так со стихами великого Сергея Есенина пришла поэзия, которая и определила дальнейшую мою жизнь.

* * *

Сижу задумчив.
Плачут птицы.
За далью просыхает даль.
Вновь память простирает к лицам
свою таинственную длань.
Трагические вздохи ветра...
Исконная земля отцов!
Покинувшее землю лето
пьет тишину в колодезях лесов.
Над темнотой, клубящейся в реке,
восходят глухо скорбные закаты.
А где-то там, в соломенной тоске,
едва слышны осенние набаты...

1964

НА ЧЕРДАКЕ

Печальный звук шагов и теневые силуэты,
и фонари, мерцающие в глубине,
и сложные мышей летучих пируэты,
и запах клумб в распахнутом окне -
все купол чердака загадочный
вином рассвета бережно хранит
и собирает в памяти негаснущей,
чтоб я не помнил никаких обид...
Далекий облик, слабый и неверный,
далекий образ не моей невесты,
ты - оклик замирающий и стынувший,
ты - ветер на лугу, цветами сыплющий,
ты - купол, собирающий рассвет,
ты - самолетик, тоненько гудящий,
и я тебе, на чердаке стоящий,
прощальной звездочкой кидаю вслед...

1965

* * *

А как Вас звать?
Скажите проще.
Мне кажется уже давно:
Вы сотканы из белой роши
и Вам все лучшее дано.
Мне кажется, что Вы - заветна.
Мне кажется, что Вы - не Вы,
а доброе, большое лето
и запах солнечной травы...

1965

* * *

Светлы березы. Воздух чист.
Далекий лыжник вглубь скользит.
И неоглядный снег пушит,
и тонким холодом сквозит.
Там деревушек сонный посвист,
кнута над розвальнями охлест.
У горизонта - солнца просвет,
зеленой нитью бор стоит...
Молчат поля. По дну оврага
сверкает льдом былая влага.
Лисицы след ночной, глубокий
в немые заросли спешит...
И древний холм, его сиянье
влечет к себе сквозь расстоянье!
Вновь на вершину восхожу
и в душу родины гляжу.

1966

* * *

Когда реки вздуваются от дождей
и вода бывает черной и страшной
как пропасть,
когда в облетевших садах
сгребают кровавые листья, чтобы
сжечь их на пустынных обочинах,
и когда не все понимают, почему в жизни
в первый раз происходит нечто большое -
важно почувствовать одиночество,
полное удивительной горечи...
И леса, и мосты, и огромное солнце под вечер,
и отлив облаков, обнажающий даль -
это только отрывки мечты,
от которой легко задохнуться!..

1967

* * *

Пели птицы...

В июльском тумане река пустовала -
ни всплеска!

Белой пристань
казалась в тумане, как в белом -
невеста.

В это утро,
когда все чудесное робко просилось
на холст, на бумагу,

кто-то умер,
хотели везти через реку беднягу.

Две старухи
у гроба высокого скорбно сидели
и, как руки,
лежали две срезанных ветки сирени...

С парой весел,
с глубокой морщиною на подбородке
перевозчик
пришел из тумана к причаленной лодке.

Оттолкнулся
и весла на место привычно приладил.

Бор проснулся
и дробно застукал по дереву дятел.

Я ж подумал:
как можно покинуть навеки
этот юный,
добрый берег, туманные реки!

Но в безмерном
протяжении времени все же
быть бессмертным -
наказание тяжкое, Боже...

1967

14

* * *

Шелест стрижей в вышине,
курчавая прозелень сосен,
дым тумана, встающий над поймой реки,
берег, оплывший, будто свеча,
а по-над ним
вековая дорога,
где с красным солнцем прощается день -
это все
великая сущность природы!
Я люблю природу.
Я люблю ее почти молчаливо.
Но иногда,
от избытка ли радости,
от нахлынувших сил молодых,
вдруг захочется голосом
глубину прохладного леса померить.
Крикнешь: "Ау!.." - лес возвратит: "А-а...".
Вот так и поделимся
человеческим словом.

1967

15

* * *

За окошками осень моет
по листве золотые персты.
И над речкой изогнутый мостик
отразился от синей воды.
Он похож на печальное оканье
у безмолвия в круглых губах.
И берет непонятная оторопь
от свечения мокрых рубах.
Старый двор перетянут бечевкой,
перестроились тени в длину.
На калитке застегнут защелкой
звук, что лишь подтвердил тишину.
В ней виднеются дали вселенной,
где вздымались холмами дожди.
А теперь немотой откровенной
только вечер стоит на пути.
И пылает светило осеннее,
и предел уходящего дня
переломит сиянье вечернее
и безлюдием глянет в меня.

1967

* * *

Я снова нынче возвращаюсь
в тот лес, шуршащий сентябрем,
где с одиночеством встречаюсь,
еще не думая о нем.
Там тишину заповедной
шагнет дорога наугад,
и гибкий клен, как всадник медный,
слегка откинется назад.
Блеснет река, одна под кручей,
а там, за ней, еще простор,
где воздух мира обеззвучен
и голубеет прошва гор...
И вот с души спадет завеса!
Зашеведит вершиной тень.
И голубые ставни леса
открыты настезь целый день.
Осинник. Лог. Провалы ямин.
Все это помню наизусть!
И теплой ящеркой под камень
шмыгнет изменчивая грусть.

1967

* * *

Удачи, друг, удачи!
И с Богом, друг, пора -
до первого удара,
до смертного одра!
До самой черной чаши,
дна у которой нет.
До самой белой чаши,
рождающей сонет.

1967

* * *

О, как столпились над речкой
юные облака!
И боязливые вешние рощи
затоплены по колено.
И вырастает беззвучно
охапка тепла над ними.
И детской свистульке скворец
там подражает.
А на пустынном еще огороде
старик с лопатой в руках
распряился,
чтобы передохнуть...
Серебряный пот на его голове
блеснул.

1970

* * *

Спокойной ночи! Вот весна стучалась.
Ты отпер дверь, ты снова за порог.
Случайность - быть. И разное случалось.
На сердце грусть, но ты не одинок.
Ведь за ручьем в неугомонной пуще,
припав к земле, ночуют облака,
а в небесах кочующие гуси
на родину летят издалека.
Они кричат! Их крик проникновенный
тревожит слух. Волнуется душа!
Незыблемый, могучий свод Вселенной
мерцает влажно...

Где-то не спеша
бредет сосед и чует близкий отдых,
и удивился вслух: уже весна!..
Взмахни рукой, вдохни глубокий воздух.
Какая ночь! Какая глубина!..

1970

* * *

О, речь моя, не торопись!
Я не могу скороговоркой.
А ты - равниной развернись,
проселочной дорогой долгой.
Рыданьем журавлей гряди
над ржавью пашен, в час разлуки,
когда у взгорья на груди
прилягу я, раскинув руки!..
Води меня, как поводырь,
не знаю где! - но в том и прелесть.
И мерь меня на этот мир,
коль знать его имею смелость!
Гремучею лавиной гроз,
накатами июльских радуг
сверкай, коль в жизни довелось
вкусить и боль твою, и радость.

1971

* * *

Вот вечер незаметно длинной тенью
пролег среди деревьев. Вот закат
зажег вдали холмы, на них деревню,
край желтой нивы и колхозный сад.
Огонь все ниже. Солнце скользкой дужкой
с ведра блестит...

Река, и наяву
табун коней за вспыхнувшей опушкой,
прищулив губы, цедит синеву.

1971

* * *

Август, август намалевал
пятна теплых деревьев и вечер!
Мой степной, деревянный вокзал
в этот час тишиною отмечен.
Сколько лет, сколько зим пролегло!
Сколько судеб чужих промелькнуло!
Время стены домов повело
и к земле стариков посогнуло.
Только также текут облака
над большой каланчею со шпилем
и продутая будка ларька
пахнет старой афишей и пивом,
и каким-то забытым почти
девятнадцатым пыльным столетьем,
захолустьем полевой версты
и зеленым вагоном последним...

1971

* * *

Родной предел! .
И осени застолье...
Смиранные и зябкие края.
Я вижу лес, погост и колокольню,
сияющую в бездне бытия.
И этот ветер, что вершины чешет
и все воспоминанья гонит вдаль,
лишь он меня остудит и утешет:
люблю его колючесть
и печаль!
Он мне напоминал в краю былинном,
среди дубов и липовых аллей
языческую степь, клик журавлинный,
волнистый бег
сибирских ковылей!..

1971

* * *

Редеет тень листвы. До дна ручей просвечен.
Последний летний день незримо скоротечен
над медленной водой, где удочкой рыбак
не может к сентябрю притронуться никак.
За косами ветвей прозрачен стук колес.
Как ноги табунов, бегут стволы берез!
По солнечным полям из детства я бегу
и с радостью тепла расстаться не могу.

1971

* * *

В родных местах, где все мои пути,
просвечен мир, и долго дремлет стадо.
Сидит пастух и цедит луч в горсти...
Как зябок жест и как сильна прохлада!
Предчувствием зимы уже сквозит
сухая глушь исхоженного бора.
Сорвавшаяся шишка простучит...
И пауза - в середине разговора.
И речь моя нечаянно замрет,
я задержу дыханье на мгновенье...
Осенний час, глубокий свет высот!
Отчетливо в груди сердцебиенье.

1971

* * *

Смотри! Леса оцепенели.
В них замер летний гул.
В березы - в белые свирели
мороздохнул.
Смотри! На родине светанье.
Преобразился путь.
И облака легли снегами
земле на грудь.

1971

* * *

Проснешься утром... Что откуда,
спросонок сразу не поймешь.
Стоит холодная посуда
и по столу струится нож.
Надолго инеем крошечным
зарос большой квадрат стекла.
Ни о каком событии внешнем
еще и речь не потекла.
И мысли первые случайны,
и вьюги плавающий звук.
В углу на ниточке молчанья
озябший лепится паук.

1971

* * *

Вот оно, видение детства:
белый конь, изогнувший шею!
Над рекой, где кустам тесно,
затаился, гляжу, немею.
Это утро... уже туманы
в облака превратились пышно.
Сном колючек цветут бурьяны...
Тихо так, что дыханье слышно.
Вдалеке остальные кони.
Даже дятел замолк в лесу.
Будто пуговицы на гармонии
шевельнул ветерок листву...
Все отвесней встают лучи.
И не помню: минуту, век ли
длится этот восторг души
и сверкают холмы и вербы!..
Досыхает вчерашний дождь...
И спустя много лет, как ныне, -
белый конь, изумленья дрожь,
тот бессмертный запах полыни!..

1973

* * *

По низинам прохлады течет,
воронье замолкает над лесом.
Незнакомый обходчик пройдет,
молотком ударяя по рельсам.
От разъезда и вдоль полотна
пролегла полоса полусвета,
и глубокая нива видна
золотым завершением лета.
Отстоялась, утихнула ширь.
От деревьев - гигантские тени!
И белес по-ребячьи ковыль,
и еще не обрушилась темень...
Нет, пока собирается мрак,
нужно думать о жизни без края,
стиснув горькую землю в кулак,
в просветленных слезах утопая!..

1973

* * *

Уже от высоких зареченских круч
повеяло длинной прохладой. Вечер
накрапан лазурью. И солнечный луч
ушел по траве...

А далече -
колхозное стадо под выдох кнута
с горы припустило. Деревня
дымы выпрямляет. Над ней пустота
и обморок темных деревьев.
За ними - овсы росяные стоят...
И лишь самолет, забираясь,
ковыльное облако тянет в закат,
на собственный звук опираясь.

1973

Все выше в горы!..

Гордый край,
 обрывы, беркуты, теснины!
 Но чу! Овчарок дальний лай
 летит по желобу долины.
 Отар курчавое руно
 стекает речками по склонам,
 и небо вглубь отворено
 отдушиною над зеленым,
 тенистым раем - там, внизу,
 где свет - лепешкой золотою
 и виден, как через слезу,
 кишлак, оплавленный жарюю...
 Туда, туда живым стеклом
 звенят осколки водопада!
 Там все идет своим чредом
 тысячелетнего уклада.
 Старик ли под комуз поет,
 дитя себя рыданьем тешит,
 народ сменяет ли народ -
 слова иные, песни те же.
 Знакомый, шумный край людей!
 Там все привычно смыслом ясным
 и к магнетизму пропастей
 не тянет
 роковым соблазном!

1973

В час предпоследний, вспоминая о вас обо всех
 шел я один

и просыпал полузабытые строки.
 А в грозовых тучах загромыхал чей-то смех,
 да так, что порскнули в ельник
 перепуганные сороки!
 И чтобы слишком не загрустить оттого,
 что был,
 что эту шумную жизнь, как пустяк забуду,
 любимые человеческие слова я вслух говорил
 и наклонялся в траву
 к вечнозеленому ее люду.
 И к летнему небу улыбочное лицо поднимал,
 словно и оттуда кто-то сюда наклонялся,
 нас, крошечных, разглядывал, называл
 и именами нашими откликался...

1973

* * *

Отчетливо, как никогда доньше,
увиджу вновь январскую тайгу,
Сибирь мою и снегирей в полыни,
и лед ручья, мерцающий в логу,
домишки, спящие о трех больших дорогах,
невесть куда пробитых внутрь зимы,
ребят
под пологом пространства белолобых
и их родителей в горячей дреме тьмы...
Как спят они, как разбросали руки!
Им снится лес, грибные вечера.
Но стужей окна скованы. И звуки
ночные

не доходят со двора.
Прогнулись кровли. Из-под толщи снега
черты села видны и не видны.
Колодцами созвездий меркнет небо,
вытягивая длинные дымы...

1973

* * *

Яркий январь за порогом.
Вьются дымки деревень.
Необъяснимой тревогой
полон коротенький день.
Мимо соснового бора
зимней тропинкой пройду...
Скоро, наверное, скоро
я загадаю звезду.
Ту, на которой когда-то
будет душа моя жить.
Преображения дата,
как бы тебя отдалить!..
Вот и колодец у прясла,
будто в натеке стекла.
И на морозе так ясно
заиндевила ветла.
Залубенела округа.
Отяжелело ведро.
Дай-ка припомню я друга -
станет легко и светло.

1974

* * *

Чтобы тебя, мой друг, настроить на мажор
деревьев, птиц, сырого ветра, поля,
я покажу тебе весь наш заречный бор,
вдыхающий над пахотой раздолий.

Вот на дыбы вздымается река,
и ржанье лошадей с обрыва...
Все правда. И почти сошли снега,
и надо жить, но жить неторопливо.

Уже в чертах родимой стороны
блаженное витает время года.
Могучая струя голубизны
взломала горловину небосвода.

Вновь вспучился над берегами лед
такой прозрачный, что в его овале
как-будто даже видно и народ,
столпившийся в заречной дали!..

Я в эту сутолоку издавна влюблен
за то, что я живу под этим небом.
И, друг, давай по родине пройдем
и попрощаемся с последним снегом!..

1974

ТЮТЧЕВ

Смеркалось... Позади была чужбина.
И сумерки сырые на полях
лепили облака. Торчала льдина,
оплывшая глазурью, в тальниках.
Запруда вздулась пузырем. Рогожей
запахла Русь...

Околица села
сном захолустья плавала. Прохожий
посторонился прочь... Колокола
угрюмый ветер шелохнул за рощей.
И оборотни ветел под луной
мерцали серебром...

И часом позже
остановилась лошадь у черты родной.
Возок пристал к обочине. Наружу
сутулый человек шагнул. Потом,
болезненно сощурясь, глянул в лужу,
на темноту, на дальний окоем,
и шляпу снял...

Сквозь ночь необозримый
с дозорною березой талый лес
привиделся старинною былинной
под миротворной бездною небес!
И лунь летал. Прозябла вся природа.
Белел шлагбаум... Снова все кругом
опознано.

Край русского народа -
о, Родина, уже ты за холмом!..

1974

* * *

Весна. Запах талой коры
и рыжих деревьев качанье.
Опять городские дворы
отмыли свои очертанья.
Опять заводскую трубу
за облаком чистят от сажи!
И в полдень исчезнут в бору
лыжни и тропинки однажды.
Весною, весною живой -
на воздух, на воздух скорее!
Большие фрамуги раскрой
и двери балкона смеее.
Там хлопает громко белье
и гроздья рубах пузырятся.
Пусть оторопь душу берет -
свободы не надо пугаться.
Ведь в гулкой долине двора,
на улицах - толпы народа
шумят и пьянеют с утра
от синей реки кислорода.

1975

* * *

Снова ты в этом мире!

Мокрые вздохи деревьев, -
видно, совсем недавно теплый прошел дождь!
Птицы не гомонят, а на полях за деревней,
как буруны перекаатов, журчит созревшая

рожь.

А в небесах светло, будто за облаками,
души давно забытых взгрустнули едва-едва
о голубой земле, которую ты руками
ласково обнимаешь, пока бормочет листва.
Снова ты в этом мире, где паровозик строчит
шов поворота и - вверх кувырывается дым,
где оживает сад и под горой ворочает
яблоневые кусты, полные голубым...
Непобедима жизнь! Бронза и мякоть плóда!
Эти плоды ешь, эти дожди пей!
И запрокинь лицо перед рекой небосвода,
и говори с улыбкой: лей, мое небо, лей!..

1975

* * *

Твое имя не зарифмовать,
как февраль - со влажными цветами!
В нежный сумрак письма посылать
белыми, несмятыми листьями...
Твое имя в комнате моей
инеет на окнах обитает
и, наверно, в роще тополей,
где в сугробы солнце оседает.
Вот и вновь, когда у горла ком,
а в груди - косноязычья клетот,
образ твой
неприземлим стихом,
даже перешедшим в шепот.

1975

В ДЕРЕВНЕ

Задумаюсь. И долго в окно смотрю.
Зимние горы сверкают за низким оконцем!
И снова себя на мысли ловлю
о том,
что все безысходно под солнцем...
Но проснется любимая жена моя
и скажу ей: "Доброе утро, рыжая воробья!"
И поцелую. И вся печаль бытия
куда-то улетучится тихо-тихо.
И домик наш бедный,
который в сугробы врос,
вдруг покажется чем-то навек прекрасным!..
И выдумка эта растрогает почти до слез,
а воздух будет глубоким и ясным.

1975

* * *

Когда пальцы мои загрустят по любимой,
как по теплomu свету
                незрячий тоскует... еще и еще,
где увижу я образ, где облик увижу родимый
и кому поцелуями неловко осыплю плечо?
Чьи стыдливые груди огрубевшей ладонью
в молодой землянике, затрепетав, найду?
Лебединою шею чью
                с улыбкою вспомню,
когда лебеди дней закричат на далеком пруду?
Кого возьму на свои большие колени?
Чью сладостную родинку нежно увлажню
                языком?
И слезы осушу, и соберу печальные тени
на любимом лице, о котором скучаю тайком?
Так что мне уши мои,
                брань или выстрелы знавшие,
или тишину в пещерном моем кулаке?
Так что мне глаза мои, уже оживлять уставшие
мертвые слова, которые не помогут в тоске?
И что мне ноги мои,
                если не доведут к далекой прохладе
возлюбленного родника ее наготы?
И что мне руки мои, если эти тяжелые пряди
не прольются в горстях бурунами
                ночной темноты?
Это ее, желанную, из грозовой зарницы
                я вылепил,
полевые рвал васильки,
                лесные колокольчики мял,

из корзины куста голубую
                жимолость высыпал,
отцветающие купавы,
                сгребая к губам, целовал!
Это ей... воробьи моего нетерпения,
разговора моего овсянки, малиновки и дрозды,
дятлы настойчивости, зимородки изумления
и все певчие птицы
                в водоворотях кипящей листвы!
О, какие болота наквакали эту разлуку?
Помню: осень входила в долину души -
и недоверия полоз
                узко скользнул под прозрачную руку
любимой!..
И лес замолчал, будто остановились часы...

1975

* * *

Осень. Дождь ли спросонок вздохнет
или небо курлыкнет где-то...
Или бешенный ветер в дугу согнет
над полями забытый луч света,
и опять я увижу течение дней,
красоту всей земли просторной,
где усталые люди везут с полей
урожая жар рукотворный...
Я подумаю: это пора ветров!
Это время раздумий!.. Слышу -
вот из бездны больших вечеров
листопад осыпает крышу.
А когда в вышине огонь
догорает, понятный лишь глазу,
торопливо прячу лицо в ладонь -
не могу опомниться сразу...

1975

* * *

Как всегда, глубокой осенью
чувствуется близкий снег.
И изрыты желтой оспою
берега лесные рек.
Внутренним огнем насыщенный,
воздух отстоялся вглубь
и на эхо стал отзывчивей
час, который сердцу люб.
Час, когда виднее издали
жизни пройденная часть,
острова, селенья, пристани,
где играл на плесах язь...
Или то, как ты, родимая,
как, родная, любишь ты
лето, еле различимое,
зимородка у воды!..

1976

* * *

Осенней бури светлые часы
мне хорошо встречать под листопадом!
Забытое волнение души
открылось просветлевшим перекатом!
Вновь рокотом старинных тополей
до чердаков

наш пригород озвучен,
и грозный ветер северных полей
остановил течение излучин!
Он разметал по саду шапки гнезд
и где-то ахнул кровельным железом!
И перелески выстудив насквозь,
вздымает пыль над угольным разрезом.
Одежда лета рвется и ревет.
И кажется: вот-вот остервенело
он и меня в воронке вознесет,
покажет мир...
и вырвет дух из тела!

1975

* * *

Я вас вскормил, слова. Теперь идите.
Пусть вами лакомятся в ягодниках строк.
Созрейте костяникой. Утолите
лесною влагой всех, кто занемог.
Вгрустну о вас - вы осыпайтесь градом
в дремучую траву. А на исходе дня, -
гуськом, и босиком, и друг за дружкой рядом,
впотьмах и впопыхах, как ребятня, -
ступайте невзначай вдоль чернотала,
черемух, озера и тех недавних дней,
когда пора большого рекостава
еще не начиналась среди полей...
Там землекопы отдыхают в роще
на кладбище осеннем у села,
где на ветру залубенели мощи
деревьев, облетевших не вчера...
Вы узнавайте светлые приметы
родной страны, далекой старины,
и песни те, что пели наши деды,
и время наше - вы его сыны.
И в час, когда в вечернюю остуду
войдет земли отчетливый овал,
всю небывальщину, все вымыслы забуду,
слегка вздохнув, родимые, по вам.

1975

* * *

Чуть видимые, вкраплены в поля
кустарники с промерзшими ветвями.
И тополей прозрачных толчея
зимует в синеве над берегами.
Есть в воздухе морозных этих дней
любимое явление покоя.
Предчувствуя весну, грущу о ней
и думаю средь зимнего застоя
о том, что через несколько недель,
наступят дни, когда ломает льдины,
когда таежный нежный свиристель
комком огня срывается с рябины,
и в нашем обновленном городке
вдруг высыплет толпа веселым шумом
на лестницу, ведущую к реке
и к островам, пока еще угрюмым...
В воротах января стоит зима.
Товарищи разъехались, растались.
Под снегом спит зеленая трава.
По ней мои глаза изголодались.

1975

* * *

Однажды в детстве в час, когда метель
вошла во двор, все белым застилая,
и привиденьем стала наша ель,
и под навес забились птичья стая...
И в комнатах вдруг сделалось темно,
и ринулись гурьбою к окнам дети,
и я еще не знал, что все на свете
давным-давно до нас предрешено...
Предчувствием какой-то вечной силы,
неведомой для детского ума
на возгласе

уста перехватило -
поэзия явилась как зима!..
А снег валил, но реже, реже, реже.
И кончился.

Пахнуло тишиной.
Разъяснилось! Морозный, гулкий, свежий
предстал простор с высокою луной.
Куда ни глянь - повсюду обновленье.
И совершился тот переворот,
когда великой тайной сотворенья
открылся мир, доверился, зовет!
И сросток звезд в непостижимой тверди
мерцает колко над березняком...
И трепет слов о жизни и о смерти
бежит по сердцу сладким холодком.

1978

ВОСПОМИНАНИЕ

* * *

Я жил у рекостава, там, где люди
готовились к железным холодам.
Леса в уже ноябрьской остуде
чернели наготой по берегам.
Прозрачная до дна, смерзалась Бия
хрустальным сном торосов и шуги.
И не просил у собственной судьбы я
печали, а тем более - тоски.
Но было что-то, отчего в гортани
вставал комок...

А мерзлая земля
так глухо отзывалась под ногами,
что в темных красках мир увидел я.
Какая-то минута роковая
надвинулась - и потускнело все,
как низкий день, который, догорая,
уже погас, но зыблется еще...
И все-таки, в неласковую пору
на вырубках алтайского села
внештатному бродяге - древоколу,
мне снова жизнь уверенность дала!
Блистал топор, как мысли продолжение,
и в рукавицах было, как в печи,
и рушились тяжелые поленья
с утра

до наступления ночи!..
Я здоровел. Мне думалось впервые
о днях существования на земле,
где отшумели кроны вековые
и замерли отчетливо к зиме...

1977

Еще далеким совершенством
наивно грезит мир. Идет
история дорогой брани -
столетья нет, в котором бы
железом грудь земли не рвали!..
А дни мои - наперечет!..
Моя любимая поет.
В саду, где утренние тени,
она, изменчивая, рвет
соцветья нежные сирени.
И, удивление само, -
за мотыльком бежит ребенок!
Он встал недавно, он - спросонок.
Ему на свете все дано.
Он беспощаден от незнания
того, что делает, и вот, -
о, чистый мой! - без содраганья
пытливо жертве крылья рвет,
бросает наземь...

А вверху
спешит и облака вздувает
июньский ветер, и в трубу
речной долины завывает!
Мне роща дальняя видна...
Но мысль начавшаяся рвется.
Рву черновик! Моя вина
за прошлое - да отзовется!

За все воздастся мне, чем жил
и что посеял. Выйдут боком
проступки против добрых сил,
спасавших будто ненароком...
Все двуедино каждый миг:
старик огруб, младенец нежен,
и гениальности цветник
холодным опытом прорежен.
Сухие лица у мужчин
еще не говорят о боли,
зажатой в сердце, меж морщин,
в бровях, надвинутых скобою!..
А тот из них, кого зовут
поэтом, и кому на плечи,
как покровители кладут
они дубовые ладони -
не Гамлет он, а бедный Йорик,
когда над сущностью своей
насилье делает и, ерник,
исток наживы ищет в ней.
Ловец огня среди лазури,
не кровью пишет он - слюной,
когда причесывает бурю,
морской вскипевшую волной!..
Но знай: в тебе неповторимо,
особенно когда молчишь,
творится истина незримо:
чего во Имя ты творишь?!
Как тайна, скрытая в ночи,
но явью становясь к рассвету,
всем существом твоей души
она тебя зовет - к ответу.

1977

52

* * *

Поэзия не жизнь, а лишь о жизни слово.
Но только с нею я переживу все снова:
от чистых детских лет
с любовью первой к маме -
до белой головы и до разлуки с вами.
Ведь так устроен мир, и правда, что на свете
о жизни знают все лишь старики и дети.
Как ветер и листва, как дождь и мята луга,
как птицы и ручьи,
они поймут друг друга...

1977

53

За все воздастся мне, чем жил
и что посеял. Выйдут боком
проступки против добрых сил,
спасавших будто ненароком...
Все двуедино каждый миг:
старик огруб, младенец нежен,
и гениальности цветник
холодным опытом прорежен.
Сухие лица у мужчин
еще не говорят о боли,
зажатой в сердце, меж морщин,
в бровях, надвинутых скобою!..
А тот из них, кого зовут
поэтом, и кому на плечи,
как покровители кладут
они дубовые ладони -
не Гамлет он, а бедный Йорик,
когда над сущностью своей
насиле делает и, ерник,
исток наживы ищет в ней.
Ловец огня среди лазури,
не кровью пишет он - слюной,
когда причесывает бурю,
морской вскипевшую волной!..
Но знай: в тебе неповторимо,
особенно когда молчишь,
творится истина незримо:
чего во Имя ты творишь?!
Как тайна, скрытая в ночи,
но явью становясь к рассвету,
всем существом твоей души
она тебя зовет - к ответу.

1977

* * *

Поэзия не жизнь, а лишь о жизни слово.
Но только с нею я переживу все снова:
от чистых детских лет
с любовью первой к маме -
до белой головы и до разлуки с вами.
Ведь так устроен мир, и правда, что на свете
о жизни знают все лишь старики и дети.
Как ветер и листва, как дождь и мята луга,
как птицы и ручьи,
они поймут друг друга...

1977

* * *

В. Крекову

Зима летит! И долго в вышине
клубящиеся горы носит ветер.
Обвалы одуванчиков небесных
на этот город валятся с утра.
Вокруг бело, и нет еще тропинок,
когда, по другу вновь затосковав,
иду к нему в далекое заречье,
минуя мост, течение, дамбу, свет
облепленных кустов, канав, обочин...
Взбираюсь по горбатым переулкам,
но шапку обронил и съехал вниз,
где свадьбу на соседней улице играют
и пляшут гости, высыпав на двор...
И вот, намаявшись, хоть выжимай рубаху,
знакомый дом по ставням нахожу.
Он весь зарос щетиною малины,
крыжовником и рябью снегирей.
Чу! Россыпью вспорхнули эти птицы!
Стучу с разбега красным кулаком
в кривую дверь и, как в каменоломню,
с порога -

в низкий сумрак захожу.
Меня товарищ мой по-братски обнимает.
Он прям, как звездочет, и головою
почти достал беленый потолок.
На ржавой печке дребезжит, вскипая, чайник,
и вкусен пар картофелин вареных,

и мы за стол садимся не спеша...
Уютно здесь, в жилище неказистом!
И радостно, что есть на свете дом,
куда легко прийти, буробя первопутком,
и первый снег стряхнуть с воротника.
Начало той поры великолепной,
когда свежо, когда встают всей толщей реки,
сегодня вновь мы дружески отметим
за музыкой и чтением стихов.
И у окна, где нестерпимо ярко
огромный косогор, заполнивший все сердце
сквозным столпотвореньем тополей,
в какой-то миг охватит нас молчанье
и дух скует на несколько минут
видением земли преображенной!...

1977

В ОТРОЧЕСТВЕ

За воротами - сумерек страхи
и тайга обступает вокруг!
Как видение черной рубахи,
взмывший ворон берет на испуг.
Что там, что по-за крайней избою?
Это лошади смутным пятном
стабунились, и красной горою
свет вечерний угас над селом.
Жутко выйти, душа обмирает:
все враждебно, все зыблется мглой!
Но какая-то тайна толкает
за разгадкой своей мировой.
И сначала дорога, а после
узкий волок, что глушит шаги,
поднимается к дальним покосам
под увалы, останцы, белки...
Выше, выше! До вечного снега,
до ребристого камня вершин!
Дотянутся ладонью до неба -
это ли не причина причин?..

1978

ИЗ ЮНОСТИ

Алмазными гребнями по-над проливом
отроги Чукотки сверкнули глазам!
И ржавый буксир, перегруженный дымом,
взбирается, падает, льнет к небесам.
А воздуха сколько! А чайки над морем!
Столбы облаков каменеют вдали...
Вот горкою соли, намытой прибором,
блестит городок на обрыве земли.
Волна подбирается...

Где же ты, суша?
Каким испытаньем минута грозит?
В прозрачную пропасть видение руша,
от встречного норда стихия кипит.
Всем трюмом гремят ошалевшие бочки,
а руки вцепились в скобу добела!..
Но это начало, но это цветочки,
а юность -

мосты отступленья сожгла!
Как в песне поется, туманной порою,
чуть жизни заря занялась впереди,
соленой судьбы захотелось герою
на взлете прекрасных своих двадцати!
От школьной скамьи, от солдатской шинели
еще не отвыкнув, он встал у черты:
о, милая Родина, о, неужели
вот этим утесом кончаешься ты?!..

1978

* * *

Путь земной, тропинка вдоль реки -
как тесны по смыслу, как близки!
Но чем дальше, чем проворней шаг,
рассечет их смерть или овраг.
Времени прозрачный поток
удержать еще никто не смог!
Дом природы, лет моих предел,
я б тебя покинуть не хотел!
Раздвоится нежное одно:
тело - в землю,
а душа - в окно.

1978

* * *

Как хорошо бродить в последней синеве
мелеющего лета!..

Вот с корзиной,
с грибным ножом приятно поклониться
семье упругих рыжиков, подгруздкам
и богатырским снам боровиков...
С горы и в лог, от речки - на бугор,
а там, глядишь, от сердца и отхлынут
заботы будней...

И, расправив плечи,
так глубоко вздохнешь - до головокруженья!
И крепкое здоровье ощутишь.
Отвесный полдень в колоннаде бора
тебя до самых пят просветит узким,
сухим и строгим солнечным лучом.
Где свет и тень за просекою спорят,
в колючих дебрях много ежевики,
и от нее чуть холодит во рту...
А зашумит вдруг ветер, пробираясь
могучим вихрем через крутолесье
в налившиеся зрелостью поля, -
то бег земли обдаст тебя прохладой
и лето засверкает стрекозой,
клубничкой, ласточкой, речной излучкой!..
И вот таким запомнится все это:
надломы гулких гроз, когда слюдой затянут
был воздух весь и, прибывая пыль,
веселая вода с пригорков поскакала!

И потемнело враз, и оглушило сверху,
и приснуло горохом ледяным!..
Но крепче мы с женой укутали сынишку
и, тесно прижимаясь под навесом,
все трое неразрывно обнялись.
И боже мой, коль есть на свете счастье,
так это миг, когда ты вновь подумал,
о том, что никого дороже нет!
Ведь мчится жизнь почти быстрее мысли
без пауз, остановок и заминок.
Вселенная изменит имена.
Но этот мир глазами человека
быть может, для того дается видеть,
чтоб чувство изумленья испытать!..

1978

* * *

Пускай заснежен мир, но глубока
та полынья в созвездьях над зимою,
где город наш поившая река
очнулась вдруг под утро ледяною.
Пришла в себя и стала у домов,
чьи кубики чернеют выше кромки.
В лицо пахнуло холодом холмов
и звуки долетевшие - негромки.
Их глушит снег, валившийся всю ночь.
И жаль мне землю в смертном покрывале!
Но не могу рассудком превозмочь
столь чуждую душе струю печали!
Она темна. Она из тех времен,
где я оставил прежние волненья,
где лик врагов, как сажей, почернен
в воспоминаньях, длящихся мгновенья.
Мгновенья лишь, а дальше много дней,
достаточных, чтоб ощутить всю свежесть
незримого присутствия друзей,
их братскую, целительную нежность -
на берегу родного бытия,
который сам собою не дороже,
но имени его не в силах я
произнести без трепета и дрожи...

1978

* * *

Небожитель туманный, поэт,
ты еще и земли обитатель,
но и здесь от мучений и бед
никому нет гарантий, приятель!
Но природы и звезд, и страстей
на родные слова переводчик, -
водит с детства рукою твоей
по-ребячьи

изломанный почерк.

Там, на кухоньке тесной ночной,
где-то за миллионами окон
человечества ветер сквозной,
пролетая, гремит между стекол.
Он шумит отголосками дней,
он видений толпу поднимает!
Тень Бояна мерещится в ней,
Игорь к битве полки созывает!..
В этот час, отрешенный уже
от судьбы и ее многоочий,
ты и Бог, и ребенок в душе,
разрушитель, и все-таки зодчий.
Меры нет - воедино ты слит
из всего, что и есть мирозданье.
Это через тебя говорит
все гремящее пламя познания!
Так сломай же препоны в груди,
окрылись между твердью и высью,
сизым соколом в небо лети,
растекайся по дереву - мыслью!..

1978

62

* * *

Просквози мою душу, проветри,
просветленная громом весна!
Накатись, половоде, не медли,
дай мне ветра набраться сполна!
Дай мне шелест просторов подслушать,
берега бытия разомкнуть,
притяжение мрака нарушить,
через небо - на землю взглянуть!
За пределами тесного мира
по овалу струятся леса
и береза, как белая лира,
собирает скворцов голоса.
Долетели! Узнали родное!
Хороводят, хлопочут, поют!
И отвесной своей глубиною
горизонт распахнуло на юг!
И внезапным волнением полнясь
от бушующих токов крови,
перед горним сиянием полдня
обрываются речи мои!..

1981

63

* * *

О, сколько облаков! Светла сквозная тень
над городом моим, над горсткой деревень.
Вновь учится шуметь прозрачная листва
на крепких деревьях еще едва-едва...
На крепких деревьях живут наречья птиц.
Так вот где лягу я, вздохнув, на землю ниц!
Услышу голоса людей, судьбы, дорог -
тех самых где прошел и где пройти не смог.
О, дальние, - скажу, я знаю ваш укор
за то, что не дошел до самых крайних гор,
до ледяных морей, до сумрачных пустынь,
до чистой вышины сверкающих твердынь!..
По звездным чертежам я начал строить дом -
он превратился в дым, и, видно, поделом.
Как дым он улетел, как детские мечты,
и я не воплотил основы простоты.

1978

* * *

Щепоть лучей в окно влетела,
по телу прынул зябкий ток,
и летней радостью задело,
и развернуло лепесток.
И листья шумно выходили
на свет, на воздух ключевой.
И обод колеса катили
два мальчика перед собой.
Смеясь, толкаясь на тропинке,
дошли до склона к озерку
и вдруг помчались в поединке,
срывая майки на бегу.
И двери ветром распахнуло,
и утро обликом твоим
в мои глаза навек взглянуло
и стало больше, чем родным.

1978

* * *

Забвенье, насмешку, небрежность -
все, чем ты одаришь легко,
приму за стыдливую нежность,
но спрятанную глубоко.
Надвинешь ты маску гордыни -
и лед засверкает в речах,
но верю, что нет и в помине
надменности в милых плечах.
Уйдешь. И в минуту развязки
острее запахнет трава,
и дождь унесет без огласки
ненужные больше слова.
Опомнюсь, увижу сиянье,
пригорка светящийся пар...
Пусть истина жизни - страданье,
но все ж и страдание -
дар!..

1978

* * *

Июльский жар, спаливший все живое,
курится дымкой бледною в лугах...
Прикрыв сынишку веткою от зноя,
несу его легонько на руках.
С букетом колокольчиков помятых,
откинув прядку русую со лба,
со мной жена...

И долго на полянах
за нами разгибается трава.
Волной тепла несет от небосвода,
во всем покой, все ясно впереди!
Но смутная, неясная тревога
морозцем растекается в груди.
О чем она? Когда меня оставит?
Чего для счастья так недостает?..
Уйду от вас - немая спазма давит.
Вернусь - почти смятение берет.

1978

* * *

Есть сила давняя привычки,
как в детстве жажда дальних стран:
рожок незримой электрички
услышать утром сквозь туман.
Туда, на станцию лесную,
где падью призраки плывут,
сбежать по лестнице, минуя
забор, проулок, дымный пруд:
быть может, пригородный поезд -
моих друзей, моих родных
привез и, смутно беспокоясь,
все ждут они, что встретят их...
Иль к вечеру, в часы свободы,
взглянуть, усталость отогнав:
идет гроза, темнеют воды,
пьяней и гуще запах трав!
Горами вздыбленные тучи
подмяли солнце, ближний лес...
И мысли о земле все круче
пытаются достичь небес.
Вот грянул свет и гром расправил
крыло дождя!.. И как во сне,
подхваченный потоком планер
спасенье ищет в вышине.

1978

* * *

Не спеши, о, зеленое лето,
столь недолгое в нашем краю!
Лопуха благородная лепка
мне напомнила чашу твою.
Наклоняясь, приник без опаски,
различив отраженье лица,
и живительной влаги, как в сказке,
весь глоток

замахнул до конца!

Если это не вихри очнулись,
Кто извлек мою душу из тьмы?
И, как к глухонемому, вернулись
речь и слух после мертвой зимы.
Под морозами спины сутуля,
мы намерзлись на родине так,
что до самой середины июля
нам еще не согреться никак.
Но услышал я милую гостью -
за оврагом кукушку в кустах,
и увидел, как белою гроздью
дозревают дожди в небесах.
Где трепещет осинник у взгорья
и смолою текут кедрачи,
в грудь ударило воздухом поля,
будто от раскаленной печи!..

1978

* * *

Слышу дни, когда дом наполнялся,
оживал голосами друзей.
Неуклюжий дымок поднимался
из трубы по-над баней моей.
Сохли веники, мята, вербейник
на тесовой веранде, где чай,
где балованный всеми затейник
острословил как бы невзначай.
Кто-то спорил об истинах старых,
как ни странно, всегда молодых,
о стихах и любви, о Стожарах,
о загадках явлений иных.
В это теплое время босое,
когда сутки почти что светло,
нисходило к нам нечто большое
и товарищами нарекло.
Мы спускались тропой к колодцу
по малиннику и пихтачу,
где студеная прозелень льется,
намечая начало ручью.
Но горячего воздуха токи
протекали за ворот с виска,
и от хвои, опавшей под ноги,
там пружинила почва слегка.
Как оттягивал руки подземный
холодок, заключенный в ведро!
Как внезапно тоской сокровенной
на мгновение сердце свело!

Вот свисток электрички поранит
за тайгой вечеряющий свет,
одиночество за спину встанет.
Помашу вам легонько вослед.
А когда от затихшей опушки
возвращусь молчаливый назад -
долго мне

в деревянной ракушке
шутки, возгласы ваши гудят!..

1978

* * *

С той горы, где в вечернее время,
равновесие света нарушив,
простираются долгие тени,
будто к нам безымянные души,
с той горы, что веснушками легких
первых листьев опавших покрыта,
я узнал в очертаньях далеких
то, что сердцем в веках не забыто:
дрему пашен, чернеющих плотно
бороздами своих черноземов,
острый ветер, идущий свободно
над чредою селений укромных...
Словно бы и не этой порою,
но такую знакомой для взгляда,
это было когда-то со мною
перед пестрой игрой листопада.

1978

* * *

Вон там, где круче поворот,
тропинка к западу взбегает,
и лес, как-будто рама сот,
вечерним солнцем затекает.
Пусты и мертвенны холмы,
где сеча древняя кипела.
Наивным призраком зимы
до них прохлада долетела.
Прозрачен августа закат
и монастырь полузабытый,
чьи тускло луковки горят,
стоит, любым ветрам открытый.
Глубокий, русский уголок!
Когда, какой минутой зримо
твой сирий вид и твой песок
вошли в меня неизгладимо?!..
Ну что мне здесь, сибиряку?
Я знаю лучшую природу,
неоскорбленную тайгу,
степей немеренных свободу, -
хотя и в них кочует плуг,
хотя и там при лунной тени
упал уже на горный луг
металл космической ступени!..
Я знаю клекот в небесах
и богатырские отроги,
где вечно в радужных слезах
сверкают грозные пороги!..
Но видно жив еще во мне

тысячелетний голос крови,
коль к этой скромной стороне
я приходил не без любви.
Я припадал к судьбе людей,
к холмам, к щетине чернотала
с глубоким чувством наших дней,
что Русь - не только до Урала!

1979

* * *

Как странно это, как душе легко
увидеть землю заново...

Как зримо! -

К холму припав, лишь семечко легло,
а вот уж лес шумит непобедимо!
За горизонт, за край сдвигая синь,
над ним гроза полнеба заслонила,
и сумасшедшим смерчем из пустынь
несется громыхающая сила!..
Но длится миг, и следом - погляди! -
на взгорье том, где битва скрежетала,
иных времен усилья и труды
мечи перековали

на орала!..

Летят века, стал тесным отчий дом -
и человек в открытый космос вышел.
Один пока... Но с грезой о том,
что братьями по разуму - услышан.
Все дальше он, шаги его смелей,
его несет во тьму огонь познания!..
Но странно это: чище и нежней
встает Земля, о ней воспоминанья...

1979

* * *

Есть паузы в осенней непогоде,
когда и ветер в сердце не дохнёт!
И тишина, мелькнувшая в природе,
сама себе отчета не дает.
Еще повсюду запах сенокоса
и копны, как лохматые дома.
И тень тайги, поставленная косо,
преломлена речушкою до дна!
Где душным днем видней из-под ладони,
как ледники сверкают в небесах,
припомнишь вдруг о брошенном кордоне
в густых, как смоль, нехоженных лесах.
Там синевой долины обмелели,
и тем глубинка эта хороша,
что смотришь в мир как бы из колыбели,
наивностью открытья дорожа!
В простой избе с просветом в три оконца
когда-то жил большой семьей лесник,
и в ельнике, где бродят пятна солнца,
над ним давно сомкнулся материк.
Лишь с безымянным памятником вровень
здесь каждый год июньскою порой
цветут в обнимку жаркий марьян корень
и крестиками шитый зверобой!..

1980

* * *

Хрустальной палицей мороза
земля насквозь потрясена!
На ней - глубокий след обоза
и в рощу вмерзла тишина.
Там, где дорога в гору круче,
все чудится, как над рекой
идут за снеговые тучи
одна подвода за другой...
Зияет вечера горнило.
Полозья по небу скрипят.
И вижу снова все как было
сто или двести лет назад:
прозябнув до гусиной кожи,
мальчишкою дышу в ладонь
в тот час, когда за Томь, похоже,
вот-вот закатится огонь...

1980

НА АЛТАЕ

С грядюю гор, холмов по окоему
с погудкой ветра вдоль по целине -
велик Алтай! И легкую солому
его созвездий видно в вышине.

В большой тулуп, в горячую овчину
закутавшись, я выхожу туда,
где, проломив граниты, на равнину
врывается катунская вода.

Она, пройдя зальдельми хребтами,
мятется перекрученной струей
и снизу сел, огрузнувших огнями,
как драгоценность, тянет за собой!
Огни, огни...

Нечастые их горстки
родны глазам, как снег и тишина!
И где-то там полуночные Сростки
одеты белым вздохом Шукшина.
И где-то там, за дальней темнотою
другой реки студеный рокоток -
и вот сошлись плескучею рудою
Катунь и Бия в Обь,

в ее поток!

А ниже, ниже, ниже по просторам,
где немота на степи налегла,
уже ничто не различимо взором
и только ночь

Отчизну вобрала!..

1980

* * *

Люди, птицы, деревья, снега -
это мысли, сошедшие наземь!
Тесен мир, но пустынен слегка,
именами возрос - и не назван.
Все известно. А тайны вокруг.
Все сказали. Да есть оговорки.
Отзывается небо на стук -
это разум крушит переборки!
Он встает из младенческих лет,
еще толком шагать не умея...
Человек исчезает, но свет,
свет его озаренья сильнее!
Горизонты иные видны.
И, от праздного взгляда сокрытый,
ослепительный скол новизны
спит в банальности
самой избитой!..

1981

* * *

В безмолвии русских полей
знакомы русалки берез!
Глубинка. И где-то над ней
вечерняя изморозь звезд.
Шагнешь, и повеет в лицо
дорог земляное тепло.
А вот и тумана кольцо
под всхолмием нежно легло.
Шагнешь - и увидишь привет
родных и далеких веков:
огни деревень, будто свет
опущенных в воду венков.
Мерцают они вдалеке.
И чудится зрению дум:
там девушки вышли к реке.
Гаданье. Купальский канун!
Собравшись у кромки земли,
ночи поверяя мечту,
заветные свечки зажгли,
пустили их плыть в темноту...

1981

* * *

Пусть так будет: опять оживут
дни мои и раздумья, и чувства!
Эти пригоршни светлых минут
ощущения вечного русла!
Пусть вернется в немое зерно
жизнь моя, взматеревшая древом.
И свершится, чему суждено,
не пустыми словами, но хлебом.
И все глубже во зрелость входя,
а судьбою дано, так и в старость,
буду юноша,
отрок,
дитя,
что когда-то слезой умывалось!
Эти ветры, влетавшие мне
в колыбель
и грозой, и метелью,
как преданья о русской земле -
пусть гремят и над смертной постелью!
Ибо ласковой нет ничего,
чем тепло материнского поля.
Ибо выше чела моего
неусыпна Отцовская воля!..

1981

* * *

В недолях северных широт,
где лето - с пригоршню ребенка,
где и в июне сыпанет
крупю белой вдоль проселка,
немного яркости! И все ж,
одна мне верная порука:
мой край, он тем еще хорош,
что с ним бессмысленна разлука.
Я с детства полюбил глядеть
как тает ночь и тьму уводит,
как постепенно лесостепь
в тайгу и горы переходит.
Непроходимый травостой -
шагну - меня пустить не хочет
и костоломною росой
обдаст и до ключиц промочит.
На крутосклоне спит колдун
тумана облаком забытым.
За дымною рекой табун
рассыпан древним алфавитом...

1982

82

* * *

Под занавес, под окончанье года
такую тьмою веет от высот,
что даже бодрый облик небосвода
всего лишь ямой взгляду предстает!
Короче день, и сатанеет холод,
и в воздухе, который на слуху,
не самолет - стальной тяжелый полоз,
визжа, скользит с натугою вверху...
А здесь, внизу, окутанные мглой
в минуту убывающую эту,
мы тянемся, как к чаше слюдяной,
на цыпочки привстав, глазами к свету.
Глазами к свету!..

Будто навсегда
замерзнет он в своей последней точке,
и мы погибнем, если и тогда
рискнем существовать
поодиночке.

1983

83

* * *

СЕВЕРНАЯ БАЛЛАДА

Понавалит великого снега,
забреду за любимую рощу -
широко полнолунное небо
этой светлою зимнею ночью!
Долговязо теснятся осины
и березы, и длинные тени,
и в открытом сознание равнины
нет и мысли о смерти и глечне.
Как когда-то в начальные годы,
все наполнено искристой тайной
и стоят синевой огороды
за пустынную улицей крайней!
Не горят индевелые окна,
набираются сил хлеборобы.
Только брешут собаки беззлобно
да волною змеятся сугробы.
Высоко поднимаются звезды
и самую судьбою теперь уж
навсегда в эти русские версты,
в эти избы забытые веришь.

1983

Мне двадцать лет. Волненьем синих гор
светло теснятся северные дали!
Весна. Я верную двустволку взял,
шагнул за дверь - вся тундра предо мною!
Иду по мхам. Прозрачные жгуты
ручьев и рек свиваются в пространстве.
Шум птичьих стай по воздуху летит.
И патронташ мне тело тяжелит.
Вперед, вперед! И скрадывать я начал
вдоль озера утиный табунок.
Прицелился. Спустил стальной курок -
и дробью над водою звездануло!
Убил! Убил! - и ринулся быстрее
по мелководу, и достал добычу,
разглядываю, радуюсь, горжусь:
вот, мол, пустяк, а все-таки приятно...

Мне двадцать лет. И чувствовать отрадно
себя мужчиной. Столько уток здесь
я настрелял, что тяжело от ноши!
Пора домой. Остался лишь патрон,
заряженный на всякий случай пулей:
все может быть.

А чистый небосклон
слепит глаза незаходящим солнцем -
нет ночи, даже ночью длится день!

И длинная за мной шагает тень...
Как вдруг - о это вздрогнувшее слово! -
из-за какой-то кочки впереди
журавль вскинулся, бежит калекой,
крыло по тундре жалко волооча...
Что, что там с ним? Да это же подранок!
Поймать? Спасти? Но как его поймать?..
А он приостановится и дальше,
все дальше убегает за кусты.
И не поймать, конечно, не спасти...
Я человек. Так буду милосердным:
Зачем безвинно мучается он?
Добью скорей и прекращу мученья -
так будет лучше птице и душе!..

Стволы блеснули. Этого решенья
мне никогда не изменить уже!
Я выстрелил своей последней пулей
и подошел. Он все еще дышал,
но встрепенулся, с ненавистью глянув
в мое лицо, и, задрожав, затих...
Ножом долблю могилу в мерзлоте,
похоронил, а легче мне не стало...
Пора домой! Но только шаг шагнул -
гнездо увидел: в сирой наготе
меж кочек затаилось и лежало
сплетенье веток, пуха и тепла,
а в нем яйцо...

И душу обожгла
внезапная жестокая догадка:
он отводил, а я его убил!..

А над землею посвист новых крыл:
летят, летят и радугую перьев
о воздух опираются легко
все новые и косяки, и стаи
измученных дорогой, но счастливых
и дотянувших до отчизны птиц...
Домой! Домой! И крикают озера,
клеочут выси, хоркает кедровник,
горн лебеда вдруг слышится вдали...
Домой! Домой!..
Но свеж перед глазами
среди волненья синего простора
сырой бугор
оттаявшей земли.

1983

ИМЯ

Что ты, имя мое?
Лишь при жизни в тебе я нуждаюсь.
Да и то - среди людей.
Да и то - среди родных и знакомых.
Узок смысл твой весьма и весьма...

Кто я там, где холмы и деревья, и реки?
Кто я там, где склонились хлеба золотые
низко долу, и низко над ними в закате
на ночлег потянулись
безвестною горсткою птицы?
Кто я там? -
Я всего лишь душа человека...

Так всегда.
И на древних базальтовых плитах,
где олени бегут
уж не первую тысячу лет,
нет нам имени тех,
кто насек этот ветер движенья.
Нет нам имени тех,
кто насыпал курганы в степи!..

1983

* * *

Гремучие башни грозы над рекой,
гряда тополей, отраженная в водах -
все это изваяно тою рукой,
которую слышно и в наших заботах!
Ее необъятный и мощный полет -
взгляни! - с одинаковой нежностью лепит
и темя ребенка, и старческий рот,
и дрожь табуна, и влюбленного трепет.
В просторах земли неожиданно, вдруг
единого смысла чудесная сила
откроется сердцу, и - сладок испуг! -
тебя озарением счастья пронзило.
Топорщится зелень в тугом тальнике.
Полотнами света уставлены чащи.
И весь Салтымаковский кряж вдалеке
от ливня блестит позвонками, как ящер.
В такую минуту еще не понять
зачем из груди вырывается возглас:
- Родная природа! Материя-мать!..

И, тонкий, летит, улетает, как волос.

1984

Осенний утренник упал,
 постекленил росой поляны...
 Дохнешь - и легкий виден пар!
 В лощинах пучатся туманы.
 Накровенелые кусты
 боярки, бузины, рябины
 у речки сгрудились. Воды
 непроницаемы глубины!..
 За огородами, в лугах,
 я вздрогнул от внезапной грусти:
 поодаль, в нескольких шагах
 захлопали крылами гуси.
 Загоготали, понеслись,
 взлететь пытаюсь неумело,
 и вот почти оторвались
 от пожелтевшего предела.
 Навстречу им рванулась даль
 виденьями забытой воли -
 да воздуха тугая сталь
 хлестнула

откровеньем боли!..
 Десяток метров и другой
 инерция еще несет их
 вдоль зябкой поймы луговой,
 полей, на взгорье распростертых...
 Ну, что ж, - я снова говорю, -
 вы сами выбрали неволю!
 И эту землю я люблю
 как Бог мне положил на долю.

1984

Давно, в почти забытом сне,
 неясно мечтой ведомый,
 я шел по северной стране
 равниной талой, незнакомой.
 Была весна. Пернатый шум
 одел полнеба облаками,
 и тысячи беззвучных дум
 пульсировали родниками.
 Но вот

Единый океан
 прозрачной бездною открылся
 и, бросив лук свой и колчан,
 я на колени опустился:
 "О, Истина! К тебе нельзя
 приблизиться, не сняв оружия!
 И мысли черные - не зря -
 тяжки живому, как удушье.
 Пусть для тебя различий нет,
 кто друг и враг, но я прирастен
 к тому, чем в жизни был задет,
 чем уязвлен и чем обласкан.
 Я знаю: тайны бытия
 страшат, пока нет веры в дело!
 Скажи: зачем родился я?.."

Но только чайка пролетела.

1985

* * *

Одевались листвою леса.
Голос чувства я в сердце услышал,
но пред светом родного лица
усмехнулся - и нежность унизил.
Та усмешка стояла во мне
неизбывной какой-то виною...
Но целую меня по весне,
ты была молодой и родною.
Ты царила среди темноты,
а гордыня моя изумлялась:
совершенство твоей наготы
так доверчиво мне подчинялось!
Почему, почему это так?
Где же все-таки в том справедливость?
Эти пряди зажал я в кулак -
ты улыбкою счастья светилась!
И подумалось мне: потому
ты ответно струною звучала,
что еще никогда никому
быть сильнее себя не прощала!
Силу сила нашла!

А весна
заходила вокруг соловьями!
И покинула сердце вина,
и луна поднялась над лугами.

1985

* * *

Пора кучевых облаков,
июльского зноя вершина!
Под синюю толщю веков
развернута свитком равнина.
Глазами нырну в глубину,
ковыльные версты читая, -
увидю какую страну
с лесами, хлебами без края?
Увалы китами плывут,
змеятся таинственно реки,
горячие вихри бегут
в дрожащие маревом степи.
Э-эй, наливные поля,
селенья за вольницей далее -
неужто все это земля,
которую русской назвали?
Россия...

На тысячи лет
идут о тебе разговоры.
Ты кровью скрепила завет
возделывать эти просторы.
Твои ожидания пойму,
но лемех былых поколений
так тяжек, что приподниму -
и в землю уйду по колени!..

1985

МАТЬ СОЛДАТА

Из Рязани, Тагила, Сибири
и откуда еще - не узнать! -
он лежит под звездой в могиле.
Ждет его, дожидается мать.
Ждет она...
Ожидания эти
невозможно представить душе!
А вернее всего, что на свете
нет и матери этой уже...

Помню только: под вечер, где глухо
облака залегли вдоль дорог,
молчаливо стояла старуха...
Темным ветром вздувало платок.

1985

* * *

Нет легкого хлеба, а легкий - не хлеб.
От зрелища неба никто не ослеп.
От хлеба до неба - рукою подать,
но мыслям меж ними всегда трепетать.
Веками побоищ, горбами труда
оплачена эта земная мечта:
там зрению звезды открылись навек,
где зверя в себе
одолеет человек!
Когда распрямившись, впервые он встал,
он вышел в пространство, он руки узнал!
И пот одоления, упавший со скул,
тяжелую солью
на хлебе блеснул...

1985

* * *

Мой дом деревянный на взгорке
с зеленым двором в глубину,
дай снова оконные створки
ударом руки распахну!
Пусть ветром надуются шторы
и щедро текут синевой
распадки, увалы, угоры,
тайга и туман луговой!..
Вчера на закате широком,
когда пламенел окоем,
бродил я по этим дорогам
с вечернею тенью вдвоем.
Я, глядя на тихие дали,
почти что прощался с рекой
в какой-то кромешной печали,
в печали какой-то слепой...
Но утро! И заново всюду
дробится и тянется свет,
и гонит ночную остуду
таежному мраку вослед.
Серебряный верх косогора,
где мокро в траве от росы,
открылся в середине простора
куском потаенной красы!..
Не так ли серединою жизни
мне снова коснуться дано
бессмертного духа отчизны,
влетевшего в это окно?
Из ясных глубин поднебесья
не он ли донесся, как ток,
гармонии и равновесья
утраченный сердцем восторг?!..

1985

96

МИНУТА

В дверь постучали. Открыл.
Темень кипит за порогом.
Рваную несметью крыл
вьюга метет по дорогам.
- Кто там?
Молчанье в ответ.
Только лишь хлопья роятся,
рвутся из мрака на свет
и ничего не боятся.
- Кто там? Открыто тебе!
Снова молчит неизвестность.
Эта минута в судьбе
тянется, как неизбежность.
- Я человек, я боюсь!
Кто ты? Врагом или другом?...
Нет никого. Ну и пусть.
Жизнь
ободрила испугом.

1986

4 Зах. 743

97

* * *

М. Орлову

Как-будто в дружбе поклялись -
в глаза друг другу поглядели
и на прощанье обнялись
в столбе бушующей метели.
Он поспешал домой, к семье,
за тысячи дорог отсюда!
Я оставался в белой мгле
среди стенания и гуда.

- Пока!

- Пока!

И города,
леса, хребты легли в разлуку!
И кто бы знал, что навсегда
я отпускаю эту руку!
Не брат, не друг. И вместе мы
огней и вод не одолели...
А где-то там, среди зимы
ломы уже о твердь звенели.
Трещал над глиною огонь,
могила глубже подавалась!..
Но крепкая его ладонь
такой улыбчивой казалась!
Как-будто бы за белой мглой,
за шумным вихрем мироздания
он, возвращавшийся домой,
махнул улыбкой на прощанье!..

1987

*Памяти поэта Павла Васильева,
погибшего в тридцатые годы*

Никто не знает твой последний кров.
И те, кто хлеб разламывал с тобою,
давно легли в один казенный ров
и без имен пропали под землю.
Они молчат... Оттуда никогда
не доскрестись до света им ногтями!
И нет нигде ни камня, ни креста
и ни звезды

над этими костями.

Через буран, где не втыкали вех,
меж белых гор невиданного края,
куда ты шел, как миллионы тех,
по ком вздохнула ямина сырая?
Конвой был зорок.

А за толщей верст,
в столичной славе нежась, как в поруке,
твои собратья, накропав донос,
спокойно

от чернил отмыли руки...

Талант всегда кому-то поперек!
Но той же чашей подлости и злобы
сама судьба, свершившая виток,
не обнесла их черные утробы!
В противоборстве истины и тьмы -
кому презреньем, а кому прикладом -
им воздалось!..

Но все ли знаем мы

о временах, еще смердящих ядом?..
Без глубины, без правды о былом,
без памяти, хотя бы даже страшной,
народа нет -
а ты для нас
есть только скорбь о нем,
не только день вчерашний!..
Настал твой час. Рассеялся туман
и уплыла таинственно и кротко
куда-то в Ледовитый океан
в комках шуги
твоя косоворотка.

1987

* * *

В огромном городе, где затеряться проще,
чем в чьей-нибудь забывчивой душе,
на людях быть - не то, что в белой роще,
откуда свежесть катится уже.
Обдаст лицо! И вот, как шепот мая,
куржак черемух зыблется в логу.
Свои ладони ковшиком сжимая,
нельзя не поклониться роднику.
Заветный миг! Высокими столбами
стоят лучи в листве наискосок.
Идиллия... Но хорошо губами
разбить в руках подземный холодок.

1987

ЛИЦО

Как утренний луч просияло,
как хрупкая тайна пропало
за пестрою рябью других,
за рокотом листьев тугих...
Помедли! Но говор прохожих
обдал океаном похожих -
все канули в памяти. Но
запомнилось это. Одно.
Как утренний луч просияло,
коснулось, до сердца достало,
мгновением счастья вошло,
всю смертную желчь пережгло!..
И - жизни частицею стало,
значение света внесло.

1987

* * *

Сколько солнечных дней положил на алтарь,
сколько сжег одиноких ночей
для того, чтобы сдвинулась дальняя даль
и пришел я к улыбке твоей!
Я велел навсегда отвернуться глазам
от вчерашних проступков моих,
чтобы снова проплыть по родным волосам
гребнем в пальцах горячих твоих!
Но стоишь ты, как свет,
за глубокой рекой,
и закрыт, и заказан мне путь.
Потому промолчу, и тяжелой рукой
только ворот сумею рвануть!
Эти ясные струи спокойной воды
ни рассечь, ни поджечь, ни пленить!..
И прощенье твое у последней черты
тайной женщины будет манить.

1987

* * *

Еще мы рядом в лучших снах,
но провиденьем ясным свыше -
уже на разных берегах
один другого не услышим.

Что было тайным для других
и явным только между нами,
то стало горсткой дорогих,
темнеющих воспоминаний.

1987

* * *

От странной мысли вздрогну иногда:
на эту землю, где мороз и вьюга,
мы сметены с небесного листа,
чтоб мучиться
и не жалеть друг друга!..
Но точно так же сердце говорит:
на эту землю, где мороз и вьюга,
где столько зла, где позабыли стыд,
мы посланы,
чтоб полюбить друг друга.

* * *

Весла бросим. Водная стремнина
лодку нашу медленно несет.
Тенью гор наполнена долина.
Долог свет развернутых высот.
В этих высях непрочтенной былью
облако белеет, что укор...
И река без всякого усилия
наш с тобой заглаживает спор.
И никто на всей земле не знает
почему меж мною и тобой
тишина так много объясняет
над бегущей в сумерки водой.

1988

После прочтения "Манон Леско"

Творение влюбленного аббата -
Манон Леско, вновь головы кружи!
И откровеньем брошенного взгляда
о тайном, недосказанном скажи.
Беглянка постоянства, ты из плена
ненужных клятв

синичкой улетай!

Нет ничего чернее, чем измена,
но чистою душой не увядай.
Как знать, быть может ветренная Ева
не столь уж легкомысленной была,
когда завет отеческий презрела
и - яблоко познания сорвала!
И, любопытства вечного праматерь,
она в тебе, ты ею хороша.
И не мужчина

истинный держатель
истории, а женская душа.
Ты, женщина, в своей заботе нежной,
чтоб знали мы где правда, а где ложь,
мир повела

по волоску над бездной...
Что ж! Может быть, лишь ты
его спасешь!

1988

* * *

Из разного вчера мне ничего не взять.
Мелеют голоса, стираются обличья...
Что ж, молодость прошла, и дурака валять
постыдно, как искать себе величья!
Так строго думал я и поднимался в гору.
И день перетекал в закат над головой,
и нитями туман тянулся по простору,
и коростель кричал в осоке луговой...
Еще, еще взглянуть на глубину природы,
на близкую луну у кромки сосняка,
на осыпи камней, на слюдяные воды -
как бы в последний раз -
легко, издалека!..

Взглянул. И вниз иду. Широкая прохлада
ударил волной от леса, от низин!..
Да, молодость прошла. Но сожалеть не надо
о том, что в этот час
я знаю лишь один.

1988

* * *

Храм не храм, а как будто бы облако
и луга, и щетина лесов,
и следы позабытого волока
к горизонту, в страну праотцов -
вот такую, широкой и древнюю,
Русь, еще открываешься ты!
И люблю над твоими деревьями
звездный ворох ночной немоты.
Знать не знать бы, что где-то за далями
потрясен человеческий дух
и сгибает земными печальями .
столько вдов и калек, и старух!
Но в пространстве, где плавают спутники,
и на тверди болящей, земной
узел жизни, завязанный судьбами,
напитался единой виной.
Потому
над равниною мгlistою
нет мне радости и полноты,
что слезою своей материнскою,
Русь, еще омываешься ты!..

1988

* * *

О, если тьма не поборола свет,
так, значит, совесть не сошла на нет
и, значит, в том-то и была судьба,
что наша боль перемогла себя.
Но там, где речи всех временщиков
ушли в сучки на деревьях веков,
там надевали деды и отцы
колючей проволоки
тяжкие венцы.
И до сих пор этапом черных дней
идут-бредут
колонны их теней,
как-будто бы несут незримый крест
столетия предательств и надежд!..
А мне в моей доверчивой стране
как объяснить и сыну, и жене,
что это ради братства и любви
стоят все наши камни на крови?!
Что в эпохальных перекрытьях рек
не затерялся винтик-человек,
пока тепло и жилы наших рук
на пятилетки мерили вокруг?!
Но решето передовых идей
глядит глазами брошенных детей
и оправданья в настоящем нет,
покуда тьму не переборет свет!

1988

* * *

Малые тропы знают большую дорогу.
Твердые горы становятся мелким песком.
Так постепенно, таинственно и понемногу
движется время
почти незаметным шажком.
Я позабыл как сидел на коленях у деда
нежным ребенком в тумане начальных годов.
Я позабуду, о чем протекает беседа
нынешних дней, современников и городов.
Движется время! Шумят голоса поколений:
Князь перед битвой
полки ободряет свои,
маршал склонился над дымною картой сражений,
а космонавт -
над плывущим овалом Земли...
Место всему!
Но откроются звездные створы,
кончится жизнь... и увижу я сон дорогой,
как поднимаются твердые острые горы,
как рассыпаются мелкою пылью седой.
В жгучей пустыне, в гремящих
пургою просторах,
больше не в силах поднять цепенеющих век,
снова я вспомню хороших людей, о которых
не рассказал
за один человеческий век!..

1988

* * *

Под утро все заиндевело:
сарай, калитка, огород.
И жерди изгороди белой
до блеска солнцем обдает.
Распадок прячется в тумане,
но черный облетевший лес
за деревенскими дымами
плотнее и грубей окрест.
Я слышу голос петушиный,
я вижу стадо у ручья,
и сокровенной, беспричинной
любви полна душа моя.
Но оттого, что эти доли
седыми стали за окном,
нет в ней ни горечи тяжелой,
ни слезных вздохов о былом.
Легко, легко, как свет предвечный,
как белая вокруг трава,
в ней только отзвук жизни встречной
сияет ласкою родства.

1988

* * *

По долинам, лугам половодье идет,
подпирает черту окоема!
Чья-то смытая изгородь сиром плывет,
мелкий мусор лесной и солома.
С еще вязких полей долетает в лицо
чернозема томительный запах.
И спешат старики на тепло, на крыльцо
в телогрейках своих,
будто в латах.
В каждой луже вокруг опрокинулся вид
синевы, что землей невместима.
Одурев от весны, мокрогубо мычит,
месит грязь возле фермы скотина!..
И такая во всем разлита благодать
и так вербы светло распустились,
что мерещится мне:
вот и люди, опять
подобрев, обнялись, помирились.

1988

* * *

ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Разлилась, раскатилась река,
топит, ломит кусты чернотала!
Далеко расплылись берега,
облака в небесах разметало!
Лодку на воду!

Крепким веслом
буду снова бороться с простором,
за которым виднеется дом
в нежной роще над синим угором.
Там, едва на окомок ступлю,
голос давнего друга услышу,
а услышу - сильней полюблю
свежим тесом нашитую крышу!
Ближе, ближе...

Последний рывок,
неизбежный десяток ударов -
и прощай, взбаламученный ток,
рвущий глину из-под крутояров!
Пусть большая вода тяжела,
бешен яростный гул нарастанья -
мне б не выпустить только весла
в безоглядной струе
испытанья!..

1988

Сколько земли распахал, перебрал,
перевернул, перетер в ладонях,
так разговаривал с ней, объяснял
что-то свое, чего я не понял.
Так проникался и так умел
тайну ее понимать живую,
что постепенно сам потемнел,
слился с нею, вошел в родную...

1988

* * *

Я не люблю сонета, ибо знаю,
что слишком жестки правила его.
Мне тесно в них, я крылья изломаю,
не развернусь, не выскажу всего.

Условно все. Но разве в том забота,
когда болит родимая земля
и под пятой смердящего завода
погребены отцовские поля.

У тех полей, у кромки хлебостоя
мне было вольно, мальчику, бродить.
С рожденья знал я: вот оно, святое,
чего нельзя на свете преступить!..

Но преступили. Научили жить:
топтать хлеба и презирать родное.

1988

НА ВЕЧЕРНЕЙ ОКРАИНЕ

Не исчезай, виденье благодати!
Не угасай, широкая река!
Еще стрижи мелькают на закате
и розовеют нежно облака.
Как высоко, как празднично и редко
они плывут и рдеют изнутри!
И тень домов, очерченная резко,
в лопынные упала пустыри.
Направо - бор зеленою скобою.
Налево - свалка, чадные огни,
труба перекликается с трубою,
заводы прокопченные видны...
Все захолустье бедного пейзажа,
чьи берега в бутылочном стекле,
полно знакомой горечи, но даже
и это объяснимо на земле,
А светлый миг, а таинство общенья
души с небесной чистой вышиной
полно совсем обратного значенья
необъяснимой радости живой!..

1989

* * *

Доступное сегодня и сейчас
недостижимым делается завтра
и мудрость говорится только раз
не потому, что откровений жалко!
Остановивший камень над собой
назавтра и снежинки не удержит.
И там, где правда рядится святой,
там клевета без ножика зарежет.
И побелеешь до корней волос,
но золотое правило возлюбишь,
что в этой жизни все наперекос,
пока слова делами не испушишь.

1989

* * *

Жизнь - это медленное скуденье
детского, юношеского удивленья!
Это стирание новизны
ошеломлявшей когда-то весны.
Это всего
позабыванье
и расставанье, и воздаянье
малому - хлебом,
старому - солью.
Реже радостью, чаще болью.
Как озаряется небо луной,
так голова - молодой сединой!
Юность мостит -
зрелость простит.
Жизнь - это медленный переход
из настоящего
в анекдот.

1989

* * *

То дерево трясут, которое с плодами.
Познанием тяжелы горбы его ветвей.
Их можно обломать корыстными руками,
но дерево растет

все шире и светлей.

Трясут его, трясут, и нет ему покоя!
Но терпеливый дух - внемли ему, внемли! -
оно упрямо ждет, чтоб новою весною
по сердцевине гнать

прохладный ток земли.

И новый вор придет, и свистнет на подмогу
подельников своих, крадущихся трусцой,
и будут на ветру, клонясь через дорогу,
бесплодные шуметь

нетроганной красой.

1989

* * *

Холстами белыми упали холода,
но снега нет, а только толстый иней!
И далеко от каждого куста
ложится тень

по этой первой стыни.

Трава ломка, свалялась и хрустит.
Голым-голо, и потому щемяще.
Над первым льдом еще камыш стоит,
но ветерок бежит струей бодрящей...
За столько лет, что на земле живу,
не надоели сердцу, не приелись
пласты полей, бор темный на яру,
где заросли калины раскраснелись...
Зазимок тих. И в этой тишине
еще древней, слепительней светило!
И молодой соломы на стерне
блестит вокруг
энергия и сила.

1989

* * *

На полынном валу крепостном
белокаменный кремль наплывает
и тропа в полумраке лесном
ниткой тайны вперед убегает.
Через ельник и липы пройди,
и дыханье стеснится в груди:
это древнее, это родное!
Разве мыслимо что-то иное,
кроме - будто меж явью и сном! -
окруженного думами пашен
камня белых чешуйчатых башен
на полынном валу крепостном?!..

1989

* * *

Древний город, забытая бль,
все твои переулки и храмы
замела, пересыпала пыль,
обметали густые бурьяны!
Здесь венчался наследник царя,
здесь татары огнем проходили,
здесь морозной порой декабря
партизан безымянных казнили.
И как-будто бы даже видны
у обрыва, где пусто и глухо,
тени виселиц прошлой войны
над рогожею русского луга.
Широко. Далеко. Высоко.
И сады одеваются цветом.
Но бывое понять нелегко
по его настоящим приметам.
Середина России. Песок.
Голубые последние ставни.
Не понять: кто ваял, кто берег,
кто взрывал
эти старые камни!..

1989

* * *

В дубовый южный лес подняться по тропе,
по сросшимся холмам, что обступили город,
войти в сквозную тень, и лишь на высоте
почуять ветерок, сбегающий за ворот.

Измучила жара, чужая синева,
огромный солонец пылающего неба
и громкая, как жесть, колючая трава,
всей зарослью своей цепляющая слепо.

Не так, не так у нас! В каком-нибудь бору,
в каком-нибудь березняке прохладном
легко сейчас бродить, сменяя мураву,
и вспоминать о чем-то невозвратном.

И вспоминать, быть может, этот край,
и где-то в непроглядном отдаленье -
как-будто за стеклом! - глухой собачий лай,
пробившийся из горского селенья.

1989

* * *

С невольной грустью провожаю день:
я сделал мало, я свершил немного!
Все, что успел, все только отблеск, тень
надежд моих, а сердцу одиноко.
Ты, уходящий верстами долин,
свет,
    продолжайся вихрем листопада!
Поэт один, поэт всегда один.
Но объясненья этому не надо.

Как плеска волн, тумана и травы
нет на гольцах, чьи ледники не тают,
так на вершинах творчества, увы,
метафор нет, лишь ясность обитает!

Пусть не всегда, а только редкий раз
дойти до них дыханья доставало,
но это был неповторимый час,
когда душа собой овладевала!..

1989

* * *

Я ехал ночью на коне
вдоль лесополосы, проселком
и по-над степью, в глубине
луна сияла над окошком.
Оплывший, одинокий холм
темнел таинственно, сутуло
и что-то светлое на нем
виднелось и к себе тянуло.
Поводья тронул я, и вот
стою на травяной вершине...
Широк июньский небосвод
и веет запахом полыни.
И освещенные луной
на обелиске невысоком
полны особой тишиной
слова о прошлом, о далеком...
Здесь красные бойцы врагу
в бою
    не уступили пяди!
Здесь белые ряды во мглу
сошли святого дела ради.
Не поделив родной земли,
не кончив яростного спора,
и те, и эти полегли
в полынь великого простора!..
Россия - мать, пришла пора
понять пути
    и тех, и этих,
коль вечно заповедь добра

живет на милосердном свете.
Ведь каждый из твоих сынов
за дымкой лет, за расстояньем
принес тебе свою любовь:
кто всю кровь,
кто изгнаньем!..

1989

* * *

Бывает, время изберет кумира,
за ним толпа и перед ним толпа!
И он один, как на краю обрыва,
стоит, блестя испариною лба.
И не поймешь: то счастье или мука?
И кто он: повелитель или раб?
Душа его не выдавит ни звука
и он молчит, как бы себе не рад...
Но узел чувств, но сила наших бдений -
он колебал небесную струну!
И воля всех страстей и настроений
не зря так властно стянута к нему!
Тщеславны люди. Каждый, прикасаясь
к явлению света, крошку оторвет
и заблестит, как бы и сам прославясь,
став на мгновенье гением в черед!..
Вот почему под необъятным небом
кумиров тьма, а откровенья нет.
И жизнь проста, как набежавший следом
восторга рокот
и злословья бред.

1990

* * *

Как поднимутся внешние воды,
серебром и плотвой заиграют,
обернутся глубинами броды,
а глубины

и дно потеряют -
снова-заново тонко и смутно
то ли отрочество, то ли детство
через душу пройдут, через утро,
через мира сего людоедство.
И увижу я берег высокий,
березняк над кручиной оврага,
где какой-то мужик одинокий
задавился под осень, бедняга!
Листья сыпались первые мелко.
Он изладил петлю неумело
и решился... И дрогнула ветка,
и, тяжелая, оцепенела...
Кто он? Грешник, забывший о Боге?
Или водка его доконала?
В стороне

и при всякой дороге
на Руси и не это бывало!
Что ж! Не будем болтать понапрасну,
не осудим ущербную долю.
Вон как волнами ходит прекрасно,
да не ловится воздух ладонью!
Обернулись глубинами броды
и бездонно весеннее утро,
как великое сердце природы,
просиявшее просто и мудро.

1992

В СТЕПИ

Темной зеленью зарастут озера.
Как и тысячи лет назад,
будут лошади посреди простора
табунком дремать, спрятав жеребят.

В длинных сумерках пронесутся птицы
над степной водой, где плеснул сазан.
На краю земли в облаках зарницы
будут вновь мигать молодым глазам.

И, как встарь велось, в этой светлой тьме
молодежь одна долго и счастливо
будет ночь блукать от копны к копне,
от скамьи к скамье, обнявшись пугливо...

И опять в степи грянет гром цикад.
Темной зеленью зарастут озера.
И, как встарь велось, разгляжу: горят
семь огней ковша посреди простора!..

1992

* * *

Нарисованы синим далекие горы
и деревья полны голошенья и шума!
Только тень облаков переходит просторы,
только даль набегаёт на сердце угрюмо.
Но люблю я Сибирь за ненастную хвою,
за колючую цельность чалдонского духа!
Потому не зашить никакою иглою
рваной памяти жадного зренья и слуха!
Это Азии сны, это зоркое око
прокаленных степей, где легко затеряться.
И как все на земле не бывает до срока,
так и этого страха не надо бояться.
Если слово мое поразвеет ветрами,
если даже и сам я, как дымка, истаю,
все равно - неизвестно какими путями
возвращусь, припаду к горизонту, я знаю!..

1992

* * *

Свернулся день. Синее окоем.
На эту даль и у меня не хватит
размаха рук!
И долго над жильем
стоят дымы, но ветер их разгладит.
Простая суть. А вот и не обнять
заветы неба и родные боли!
И долго будет желтым догорать
кусок стерни на опустелом поле.
И не пойму я снова: для чего
тоска любви из прошлого явилась?
И облика родного твоего
не удержу, где сердце отступилось....

1992

* * *

Слова ненависти прозвучали.
А где же слова любви?
Сколько сказано их в начале,
где-то в юности среди листы!..
Век прошел. Изменились ли люди,
убивая друг друга вокруг?
А твои полнолунные груди
как забыть в перекрестии рук!
Этот жест, как извечное право
всей стыдливой твоей наготы
рассказал мне о большем, чем слава
и продажная власть суеты.

1992

* * *

Не пойте

        отвращенье к жизни,
хотя причин тому не занимать!
И если смута бродит по отчизне,
то так и надо это называть.

Полей и недр угрюмо разоренье.
Ответчикам - ни срама, ни суда!
Но и над полной чашею терпенья
не разразись, проклятье, никогда!..

1993

* * *

Ни трав, ни цветов - только полдень сырой
да ветер несется толчками!
Пустынною острою этой порой
и слякоть мила под ногами.
Пойду я пытать одиночество дум
подальше, подальше от дома,
чтоб этот древесный мятущийся шум
рвал душу и сердце знакомо.
Навстречу мне встанет полей чернота,
суровость в чертах и во взорах...
Но, отчина, в этом твоя красота,
и сладко мне зябнуть в просторах!
Родные, родное... В который уж раз
утешусь крупницей печали,
что страшному жребию Бог не отдаст
и эти забытые дали.

1993

В ПАМЯТЬ РАССТРЕЛА

Взгляни, полюби и пойми:
туманно лишь только начало!
Все катится в новые дни,
как, впрочем, и быть обещало.
Не черви Отчизну грызут -
грызет окаянство людское.
Не вороны очи клюют,
а лжи торжество воровское.
Сокрылась далекая даль,
а близкая зыбится болью.
Там сталь налезает на сталь,
там каины правят застолье.
И некуда деться, и нет
ни в чем ни единой поруки!
И наш замечается след
холмом шевелящейся вьюги.
Одно остается, одно:
одеться любовью, одеться
любовью - как это дано
от Бога, от неба, от сердца!..

1993

* * *

Дорога к миру заросла штыками.
Не уступить и пригоршни земли.
И разговор ведется языками,
раздвоенными, как язык змеи.

И ужас этой жизни безобразной
невыносим не потому, что глух,
а потому, что Истиной прекрасной
себя избавил поверять наш дух!

1993

РОДИНЕ

Ряды твоих святых, их нимбы золотые
да охранят тебя во времена лихие!
На полчища когтей, на заговор клыков
пусть мертвый сон падет из белых облаков!
Пусть светлая руда быстротекущих дней
омоет наготу наивности твоей,
и этот страшный век, пожравший сам себя,
запомнится как гром Господнего суда.
Ведь все, что на земле случилось и случится,
все, что на жизнь и смерть

о камень дней двоится,
все это эхо лишь, все отзвук болевой
мятущихся пространств,

где пышет вечный бой!
И ты, в рыданиях дней носимая как в море,
терпением жива, и все твои недоли,
что пламя у холма, что бездна у дверей,
до сердца вопиют

привычностью своей!..
Но сказано уже: всему пролиты сроки.
Затемнены глаза, запутаны дороги,
и все же час настал, Спаситель поднял щит
на битву с сатаной - и Светом победит.

1993

* * *

Я устал... Но кому интересно?
Каждый честный простой человек
пережил, что ему лишь известно,
да не скажет об этом век.
И устали пылиться дороги.
И согбенный в фуфайке старик
всею старостью смотрит под ноги,
с каждой рытвиною говорит.
Все сильнее и сильнее притяженье.
Мать - земля! Поднимаясь на склон,
непонятно в какое мгновенье
с темным взгорьем сольется и он!
Там деревья, поселок или город -
все едино под небом судьбы!
И реки цепеющей холод,
и нагие кусты, и дубы...
Ведь усталость еще не причина,
чтобы жалоба стала слышна,
чтобы все, что под небом едино,
ни покоя не знало, ни сна.

1993

* * *

Ночью выдра плескалась на плесе,
там, где щуки стоят в камыше...
У костра мы лежали под осень
с этой маленькой тайной в душе.

Дым и угли, и синее пламя
говорили, что жизнь коротка,
но все то, что открылось над нами,
было больше, чем даже века.

Там копилось, мерцало, густело,
расцеплялось и снова текло
неоглядное вечное дело,
непонятное нам ремесло.

Эти руны, былины, сказанья,
эти скопища солнц и планет
проступали сквозь наше молчанье,
будто нас не бывало и нет!..

Только ночь, навалясь чернотою,
осыпала по рощам листы,
только зверь с полусонной водою
говорил в этой бездне на ты.

1994

* * *

В доме, где меня не ждут,
вечером огни зажгут.
Резче на свету проступит
тьнь деревьев там и тут.
В темной полосе полей,
в звездных письменах над ней
снова я прочту без слова
твой укор душе моей.
Явятся туманней сна
Шумный ледоход, весна,
дымка над заречной далью,
дальняя моя вина...
Вся ты - из вчерашних лет
девочка, которой нет,
женщина, что позабыла
первых поцелуев бред.
Вся ты - из стихов моих,
где я сам - от сих до сих! -
только для того, чтоб снова
Божий мир
услышал их.

1994

* * *

Тропинкой снеговою в березняк,
а там все тот же ледяной сквозняк,
стволы - и те

        в одно слепила тьма,
вечерней шубою метет зима...
И потому, разгорячась и злясь,
что ты сейчас сияешь, повторяясь
в других глазах, и улыбаясь им,
все понимаешь телом молодым,
я вышел в снег... Остыть хочу, остыть,
чтоб мудрецом и мальчиком побыть.
Но волосы прекрасные твои
вспоминанья путают мои...
И ничего

        я не смогу сказать,
но буду в вихре ледяном стоять,
пока за ярким праздничным окном
широкий вальс
несется через дом!

1994

* * *

Мне надо проститься с тобой навсегда,
но этого мало.

Как чистая смелость берет города,
так ты просияла!

И звездною ночью на склоне горы
бессмертное древо -
береза спускала к нам ветви свои
и справа, и слева.

Над кроной ее, уходящей во тьму,
миры индевели.

И не было даже названья тому,
чего мы хотели.

Но все позабылось, когда обнялись:
все страхи, все ветры,
огни и дороги, и бездны, и высь,
рожденья и смерти.

И жизнь перешла золотую черту
последних запретов,
когда наклонился в твою наготу,
свет счастья изведав.

1994

* * *

Как сокол парит на воздушном столбе,
как-будто покоится в синих глубинах,
так зоркое сердце само по себе
как-будто покоится в далях родимых!

Неведомо как, неизвестно куда,
как дым от огня, как стена грозовая,
как сны об отчизне, уходят года,
но видится каждая мелочь живая.

Клубится пространство вверху и внизу.
И лица родные, и ветры родные
соленою бьюлю текут по лицу
в какие-то дни и понятия иные.

Как-будто бы этих широт и высот,
и этих глубин окончания не зная
сам дух покаяния в сердце идет,
берез троеперстием нас охраняя.

1995

* * *

О грозах жизни, что гремят в веках,
и о былинке малой у дороги
простую бьюль читаю в облаках
и на земле, где все мои тревоги.
Знать я не знаю в мире пустоты!
Ее и нет. Все полнится мечтаньем.
И этот дождь, упавший на листья,
наполнил рощу тайной и мерцаньем.
Войду туда и кажется, что вот
изнемогу от белого наплыва
стволов, которых взгляд не оберет
и не отпустит долго и счастливо!..
Не в том ли радость кровная моя,
что Дух Святой, который всюду дышит,
каким-то высшим смыслом бытия
всего меня, как брызгами, пронижет?!..

1995

* * *

На том косогоре, где дом стоял,
в котором родился Фет,
свинца и смертей прокатился вал
тому уж десятки лет.
Оплыли окопы и заросли.
История - вся курьез.
И дети отцов, что усадьбы жгли,
у этих лежат берез.
Как-будто вину искупили враз
за страшный отцовский грех,
за пепел икон, поруганный Спас,
за отнятый кров и хлеб!..
Когда соловьи во всю свою мочь
раскинут и стон, и щелк,
по шлейфу тумана выходит в ночь
из дальнего лога волк.
Матерая шерсть блестит сединой.
По мягкой траве окрест
бежит он, свершая дозор ночной,
как дух этих старых мест.
И вот косогор, и стекло долин,
и свет слепящий луны...
О, сколькие судьбы прошли как дым,
как медленный дым, как сны!..
И видит он сад, окно и сирень,
и мальчика у окна,
изгибы далекой реки и день
без имени и без дна.
И видит он то, что и век забыл:

горят во мгле города!
И ходят как зубья гигантских пил
годины туда-сюда.
Железо и злоба грызут живых,
брат брата зубами рвет!..
Россия, где очи путей твоих?
Чья воля тебя ведет?..
Но мудрые тени молчат вокруг,
ответа все нет и нет.
И тайна поэта, как этот луг,
лежит за пределом лет.
Блестит и мерцает простор земной
матерью шерстью трав.
Ржавеет в усталой земле родной
угрюмого зла устав.
И только, как с чертополоха пух,
сорится туман окрест,
как-будто бы некий светлейший дух -
хранитель известных мест.

1995

Нас войны ничему не научили.
 И там, где просят нищие подать,
 где мы себя по нитке расточили,
 иль вправду мне России не понять?
 Ее путям и участи послушный,
 обобранный нуждою этих лет
 и никому решительно не нужный,
 я не забыл, что я еще поэт.
 В час лихоимства, в час всеобщей боли
 не осуждать хочу я без числа,
 но разглядеть истоки нашей воли,
 которая нас к бездне привела.
 Да это и бывало ли когда-то,
 чтоб русской музы кровные сыны
 тем унижались, что во всем предвзято
 искали только бы чужой вины?
 Затем, что время все переиначит,
 пускай мосты вчерашние сгорят!
 Ведь потерявши голову, не плачут
 по волосам своим, как говорят...

1996

Под хорошо отбитою косою
 цветы и стебли валяются стеной.
 Пройду прокос и влажною травкою
 сталь оботру, блестящую как зной.
 И будет утро дня переливаться
 тенями всеми, воздухом тайги.
 И не устанет жизнью называться
 все, что увижу я из-под руки.
 Вон, по низинам, скрытое движенье
 истоков рек, студеньих родников.
 Вон, на бугре, прощенье и забвенью
 кладбищенских родных березняков.
 И эта ширь неназванного луга,
 и светлые рубахи косарей.
 И этих трав полеглая округа
 в росе и мощи зрелости своей.

1996

На закате не вижу, не слышу
 шумный натиск мелькнувшего дня.
 Дует ветер на темную крышу,
 лес и поле в насечке огня.
 Через поле с клоками соломы
 костоломный идет холодок.
 На глухие лесные схороны
 край вечернего морока лег...
 Я помедлю, я только помедлю,
 задержусь у закрытых ворот:
 вижу, слышу как жизнью и смертью
 время осени дышит с болот.
 Знаю, чувствую эту истому
 подступающей тайны земли,
 как щадящую волю к простому
 выражению нашей любви.
 Но и Слово, что было в начале,
 выше в мире которого нет,
 тем пронзительней чувством печали,
 тем прекрасней впадением в свет.

1996

Настанет день Восьмой и отворятся своды.
 Огнем придешь крестить, как Ты и говорил.
 Восстанут из гробов судимые народы
 и ангелы Твои придвинут мощь светил.
 И, темный, как лузга, перед Твоею славой,
 что я скажу Тебе, чем оправдаю зло,
 которое везде - по левой и по правой -
 с обеих рук моих в избытке натекло?!
 И это зло мое вошло в другую меру
 других столиких зол, где каждый на земле
 по-своему кроил Твои слова и веру,
 а бес торжествовал, ослабившись во мгле.
 Убогие в себе, как вши в его щетине,
 в разумности своей копясь и скорбя,
 мы мертвых и живых пристрастьем не щадили
 и осуждали всех, но только не себя...
 Моря ушли в песок, сгорели воск и порох,
 но разве позабыть как тяжело на холме
 лежала тень Креста, а легкодумный город,
 оплаканный Тобой, злословил в стороне!
 Но Ты взглянул на нас через века и дали,
 через кровавый пот и гробовую тьму
 так, будто бы хотел, чтоб мы не отдавали
 своей души живой на откуп никому.

1996

* * *

В день Благовещенья прости
все, чем оставил, чем обидел...
В родстве есть темные пути,
кто шел по ним, тот зла не видел.
Счастливым! Он с тупой тоской
не заблуждался в очевидном,
когда шумел кругом разбой
и совесть попиралась быдлом.
Нет покаяния в живых,
а мертвые еще восплачут.
Кто знает, может слезы их
все на Земле переиначат.
И ангел с лилией в руке -
весь свет, как и во дни Марии,
опять сгустится вдалеке
и снова будет все впервые...
Люби свои надежды, дух,
и воздуха струю тугую,
в которой жадно шарит слух
по горизонту весть благоую!..

1997

* * *

Лежать в траве и в небеса глядеть,
где два орла в бездонности могучей
кругами ходят, обнимая твердь,
и вровень с темной грозовой тучей.
Я так люблю их непонятный ход,
предгрозовое это состоянье,
весь блеск и страх надмирного шептанья
текучих перепутанных высот!
Среди холмов и темных берегов,
где все слилось и длиться не устанет,
таинственно кивая из веков,
отец и мать мне зренье затуманят.
И как лежу среди ромашек я,
так и в небесном вихре пропадая,
в одном порыве, в счастье бытия
душа летает, плача и рыдая!..

1996

* * *

В едином вздохе одолею бездны,
горячий прах пустыни и моря...
А там, где жил,
там в зябкий день воскресный
дождь оросит знакомые поля.
Нет ничего уже, что удержало б.
Но потому и молится душа
всему тому, что прежде утешало,
и что живет, как в памяти слеза.
Пусть, обнищавший наравне со всеми,
я разделю со всеми, как простор,
родной земли судьбу и светотени,
позор и славу, славу и позор.
Но глубже этой незаемной доли,
хотел бы я того иль не хотел,
есть рудный пласт
особо крепкой соли -
долготерпенья нашего предел.
На нем стоим, в нем наши ожидания,
другие чувства как бы и не в счет.
И лишь оно, как самооправданье,
погубит нас, а может быть, спасет.

1997

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
"Сижу задумчив. Плачут птицы..."	9
На чердаке	10
"А как вас звать?.."	11
"Светлы березы, воздух чист..."	12
"Когда реки вздуваются от дождей..."	13
"Пели птицы. В июньском тумане река..."	14
"Шелест стрижей в вышине..."	15
"За окошками осень моет..."	16
"Я снова нынче возвращаюсь..."	17
"Удачи, друг, удачи!.."	18
"О, как столпились над речкой..."	19
"Спокойной ночи! Вот весна стучалась..."	20
"О речь моя, не торопись!"	21
"Вот вечер незамстно..."	22
"Август, август намалевал..."	23
"Родной предел! И осени застолье..."	24
"Редест тень листвы..."	25
"В родных местах..."	26
"Смотри! Леса оцепенели..."	27
Проснешься утром..."	28
"Вот оно, видение детства..."	29
"По низинам прохлада течет..."	30

"Уже от высоких зареченских круч..."	31
"Все выше в горы..."	32
"В час предпоследний..."	33
"Отчетливо, как никогда доньше..."	34
"Яркий январь за порогом..."	35
"Чтобы тебя, мой друг..."	36
Тютчев	37
"Весна. Запах талой коры..."	38
"Снова ты в этом мире!..."	39
"Твое имя не зарифмовать..."	40
В деревне	41
"Когда пальцы мои..."	42
"Осень. Дождь ли спросонок..."	44
"Как всегда, глубокой осенью..."	45
"Осенней бури светлые часы..."	46
"Я вас вскормил, слова..."	47
"Чуть видимые, вкраплены в поля..."	48
"Однажды в детстве, в час, когда..."	49
Воспоминанье	50
"Еще далеким совершенством..."	51
"Поэзия не жизнь, а лишь о жизни слово..."	53
"Зима летит! И долго в вышине..."	54
В отрочестве	56
Из юности	57
"Путь земной, тропинка вдоль реки..."	58
"Как хорошо бродить..."	59
"Пускай заснежен мир..."	61
"Небожитель туманный, поэт..."	62
"Просквози мою душу, проветри"	63
"О, сколько облаков!..."	64

"Щепоть лучей в окно влетела..."	65
"Забвенье, насмешку, небрежность..."	66
"Июльский зной, спаливший все живое..."	67
"Есть сила давняя привычки..."	68
"Не спеши, о зеленое лето..."	69
"Слышу дни, когда дом наполнялся..."	70
"С той горы, где в вечернее время..."	72
"Вон там, где круче поворот..."	73
"Как странно это, как душе легко!..."	75
"Есть паузы в осенней непогоде..."	76
"Хрустальной палицей мороза..."	77
На Алтае	78
"Люди, птицы, деревья, снега..."	79
"В безмолвии русских полей..."	80
"Пусть так будет: опять оживут..."	81
"В недолях северных широт..."	82
"Под занавес, под окончанье года..."	83
"Понавалит великого снега..."	84
Северная баллада	85
Имя	88
"Гремучие башни грозы над рекой..."	89
"Осенний утренник упал..."	90
Сон	91
"Одевались листвою леса..."	92
"Пора кучевых облаков..."	93
Мать солдата	94
"Нет легкого хлеба..."	95
"Мой дом деревянный на взгорке..."	96
Минута	97
"Как-будто в дружбе поклялись..."	98

Памяти поэта Павла Васильева	99
"В огромном городе..."	101
Лицо	102
"Сколько солнечных дней положил на алтарь..."	103
"Еще мы рядом в лучших снах..."	104
"От странной мысли вздрогну иногда..."	105
"Весла бросим. Водная стремнина..."	106
После прочтения "Манон Леско"	107
"Из разного вчера..."	108
"Храм не храм, а как-будто бы..."	109
"О, если тьма не поборолa свет..."	110
"Малые тропы знают большую дорогу..."	111
"Под утро все заиндеVELO..."	112
"По долинам, лугам половодье идет..."	113
"Разлилась, раскатилась река..."	114
Земледелец	115
"Я не люблю сонета..."	116
На вечерней окраине	117
"Доступное сегодня и сейчас..."	118
"Жизнь - это медленное скуденье..."	119
"То дерево трясут, которое с плодами..."	120
"Холстами белыми упали холода..."	121
"На полинном валу крепостном..."	122
"Древний город, забытая бьль..."	123
"В дубовый южный лес..."	124
"С невольной грустью..."	125
"Я ехал ночью на коне..."	126
"Бывает, время изберет кумира..."	128
"Как поднимутся вешние воды..."	129
В степи	130

"Нарисованы синим далекие горы..."	131
"Свернулся день. Синее окоем..."	132
"Слова ненависти прозвучали..."	133
"Не пойте отвращенье к жизни..."	134
"Ни трав, ни цветов..."	135
В память расстрела	136
"Дорога к миру заросла штыками..."	137
Родине	138
"Я устал... Но кому интересно?..."	139
"Ночью выдра плескалась на плесе..."	140
"В доме, где меня не ждут..."	141
"Тропинкой снеговой в березняк..."	142
"Мне надо проститься с тобой навсегда..."	143
"Как сокол парит на воздушном столбе..."	144
"О грозах жизни, что гремят в веках..."	145
"На том косогоре, где дом стоял..."	146
"Нас войны ничему не научили..."	148
"Под хорошо отбитою косою..."	149
"На закате не вижу, не слышу..."	150
"Настанет день Восьмой..."	151
"В день Благовещенья прости..."	152
"Лежать в траве и в небеса глядеть..."	153
"В едином вздохе одолею бездны..."	154

Литературно-художественное издание

**Колмогоров
Николай Иванович**

Избранные стихи

Под редакцией автора

Художник В. П. Кравчук

Технический редактор

Корректор

Сдано в набор 4.06.1997 г. Подписано к печати 8.07.97 г.

Формат 70х90/32. Бумага офсетная. Гарнитура мысль. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,85. Уч. изд. лис. 3,5.

Тираж 1500 экз. Заказ № 743. Цена договорная.

Издательство "Сибирский родник"
650099, г. Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25.

ГУИППК: 650066,
г. Кемерово, пр-кт Октябрьский, 28.